

САНКТ–ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра классической филологии

Корюк Ксения Ильинична

ГОРАЦИАНСКАЯ САТИРА В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ПОУПА

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра филологии

Научный руководитель: к. филол. н., доц. С. К. Егорова,
д. филол. н., проф. Л. В. Сидорченко

Рецензент: к. филол. н., доц. Н. С. Плошкина

Санкт–Петербург

2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. А. Поуп и Англия начала XVIII века.....	6
<u>1.1.</u> Социально-исторический контекст эпохи.....	6
<u>1.2.</u> Августинский век.....	9
<u>1.3.</u> Биографические сведения	11
Глава 2. Жанровое своеобразие сборника «Подражания Горацию»	15
<u>2.1.</u> Сатира в творчестве Александра Поупа.....	27
<u>2.2.</u> Сборник А. Поупа «Подражания Горацию»	29
<u>2.3.</u> Латинские тексты А. Поупа	32
Глава 3. Сопоставительный анализ. Сатира II.1 и Подражание сатире II.1	34
Глава 4. Сопоставительный анализ. Сатира II.2 и Подражание (парафраз) сатире II.2.....	56
Глава 5. Сопоставительный анализ. Сатира I.2 и «Разумный совет»	75
Заключение.....	93
Список литературы	97

Введение

Данная диссертация посвящена анализу сатир английского поэта Александра Поупа (1688–1744), написанных в подражание древнеримскому поэту Горацию. Заявленная тема «Горацианская сатира в творчестве Александра Поупа» раскрывается в исследовании ряда вопросов на материале поэтических подражаний из сборника А. Поупа «Подражания Горацию».

Цель исследования состоит в том, чтобы, анализируя и сопоставляя латинский и английский текст сатир, выявить особенности функционирования горацианской сатиры в творчестве А. Поупа.

В ходе исследования были поставлены следующие **задачи**:

- проследить эволюцию теории сатиры и особенности горацианской сатиры (в целом в европейской науке и литературе и в творчестве Поупа);

- исследовать социально-политическую и культурную обстановку, во многом определяющую выбор жанра сатиры и способствующую лучшему пониманию аллюзий и отсылок к персоналиям и событиям современного Поупу общества, присутствующих в большом количестве в текстах;

- обосновать столь значительную роль горацианской сатиры в творчестве А. Поупа и объяснить выбор именно этой разновидности сатиры (в противовес ювеналовой).

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего недостаточной изученностью в российской науке рецепции античной сатиры в европейской литературе в целом, и в частности, в английской литературе. Изучение подражания как жанра в комплексе с изучением жанров сатиры и пародии может способствовать более глубокому пониманию вопросов, связанных с восприятием творчества античных авторов поэтами и писателями Нового времени.

Российские исследователи творчества А. Поупа в своих трудах подробно не рассматривают сборник «Подражания Горацию», ограничиваясь лишь его упоминанием и кратким описанием. В монографии Л. В. Сидорченко

«Александр Поуп: в поисках идеала» исследуется творчество английского поэта преимущественно до 30-х годов XVIII века, тогда как «Подражания» создавались в тридцатые годы. В работе Т. Н. Васильевой «Александр Поп и его политические сатиры»¹ исследуется последний этап творчества Поупа (30–40-е годы), однако произведения из сборника отнесены к поздним сатирам поэта и рассматриваются лишь как образцы политической сатиры; в исследовании не содержится анализ произведений сборника как подражаний Горацию, параллели с оригиналом не проводятся. В кандидатской диссертации В. А. Мирошкиной также разбирается позднее творчество поэта, но акцент сделан на сборник «Моральные опыты».

Сборник «Подражания Горацию» до сих пор целиком не переведен на русский язык (существуют переводы отдельных подражаний, например, «Подражание первому посланию из второй книги Горация (Августу)» в переводе В. Топорова).

В зарубежной науке произведения Поупа более изучены, в том числе и в интересующем нас аспекте. Главным специалистом по его творчеству является М. Мэк; в своей работе мы использовали несколько его работ: фундаментальный биографический труд «Alexander Pope. A Life»; «The Garden and the City: Retirement and Politics in the Later Poetry of Pope, 1731–1743», а также сборники статей. Невероятно ценной оказалась статья Д. Таппера «A Study of Pope's Imitations of Horace» – одна из немногих работ, рассматривающих сборник с различных сторон, в том числе в сопоставлении с античным оригиналом. Анализ отдельных подражаний представлен в большом количестве статей; мы приводим лишь некоторые из них. Попытки рассмотреть подражания целиком были осуществлены в работах Д. Фухса «Reading Pope's Imitations of Horace» и Ф. Стэка «Pope and Horace: Studies in Imitation». При сопоставлении текстов Горация и Поупа мы пользовались изданием Д. Батта, в

¹ Александр Поп - этой транслитерации имени поэта придерживается Т. Васильева. Мы предпочитаем вариант написания «Поуп».

котором тексты приводятся параллельно, а текст Горация приводится именно в той редакции, которую одобрил Поуп. Также мы пользовались комментариями к текстам Горация Т. Пейджа и А. Кисслинга.

В данной диссертации предпринимается попытка рассмотреть сатиры А. Поупа из сборника «Подражания Горацию» в комплексе с античными оригиналами, как с точки зрения различных жанров (сатира, подражание, пародия), так и в контексте гораціанской сатиры. Настоящее исследование может быть полезным при рассмотрении всего сборника «Подражания Горацию», анализе внутренних связей отдельных произведений, уточнении различий в жанрах сатиры и послания в рамках творчества А. Поупа, определении особенностей позднего творчества английского поэта.

Данная работа может быть интересна филологам, историкам, культурологам и представителям других наук, поскольку содержит материалы по истории развития жанра сатиры; освещает исторические, социальные, культурные особенности Англии первой половины XVIII века; включает анализ и комментарии к текстам А. Поупа, произведения которого отражают многие явления современной ему Англии и являются откликом на них.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы. Общий объем работы составил 102 страницы.

Глава 1. А. Поуп и Англия начала XVIII века

Социально-исторический контекст эпохи

Чтобы охарактеризовать жителей Англии начала XVIII века, Пол Лэнгфорд использует выражение «учтивые и торговые люди» [Langford 1998, 1]. Слово «учтивость» (politeness) должно вызывать в воображении знакомые черты георгианского общества (общество времени правления четырех Георгов): его изысканную светскую сторону, верность разработанному своду манер (code of manners), склонность к элегантности и торжественности. Кроме того, этот период (первая половина XVIII века) будет всегда ассоциироваться с эпохой невероятного экономического роста, связанного с торговлей и отчетливыми признаками индустриализации. Коммерция определяла атмосферу в обществе. Жажда обогащения и соперничество стали привычными явлениями. Разворачивались споры относительно последствий влияния коммерции на нравственную составляющую общества. История отношения к роскоши является важным аспектом истории восемнадцатого века; в частности, существует мнение, что политика этого периода целиком строится вокруг распространения и демонстрации роскоши (в предметах интерьера, одежде, произведениях искусства и пр.), религия – вокруг попыток контролировать роскошь, общественные дебаты – относительно ее регулирования [Langford 1998, 4-5].

Учитывая, что необходимо с осторожностью относиться к любого рода обобщениям, мы принимаем данное определение общества – «учтивые и торговые люди» – в качестве общей характеристики социального контекста исследуемой эпохи.

Интересующий нас период – первая половина XVIII века – время, когда Александр Поуп осуществляет свою литературную деятельность.

На период жизни Александра Поупа (1688-1744) приходится правление нескольких монархов. Он родился в 1688 году – год «Славной революции» (Glorious Revolution), когда был смещен Яков II, а на престол были приглашены его дочь Мария и ее муж Вильгельм Оранский. В 1702 году после смерти Вильгельма на трон восходит королева Анна и остается у власти до 1714 года. Анна была последним правящим членом династии Стюартов. При ней происходит присоединение Шотландии и образование королевства Великобритания (1707 год). После нее правление переходит к Георгу I, первому представителю Ганноверской династии на английском престоле. Его сын Георг II взойдет на трон после смерти отца в 1727 году и будет править до 1760 года. Эту эпоху также называют Георгианской.

К началу XVIII века Англия является самой крупной торговой страной в Европе, стремительно развивается экономика. Правление королевы Анны в целом характеризуется как период стабильности. Однако с приходом к власти Ганноверов обстановка начинает меняться, а действия правителей вызывать внутривнутриполитические конфликты [Морган 2008, 375]. К. О. Морган выделяет «искусство манипуляции», которое, по его мнению, служило ключом «к образу действий политиков георгианской эпохи» [Морган 2008, 371].

Эпоха Георга I (1714-1727) отмечена яркими политическими процессами. Сам он отдавал предпочтение партии вигов. Сообразно с их интересами был принят Семилетний акт (Акт о семилетнем парламенте), был подготовлен Билль об университетах (для контроля над объединениями и корпорациями Кэмбриджа и Оксфорда), Билль о пэрстве (для ограничения количества членов Палаты лордов). Однако это привело к расколу партии вигов, в которой образовалось два противоборствующих лагеря: при дворе наибольшее влияние получили Ф. Стэнхоуп и Ч. Сандерленд, в оппозиции оказались Р. Уолпол и Ч. Тауншенд. Будущий король Георг II и его жена Каролина встали на сторону Ч. Тауншенда, «положив тем самым начало долгой традиции политических интриг наследников трона Ганноверской династии» [Морган 2008, 377]. Роберт

Уолпол² сумел помешать принятию Билля о пэрстве и Билля об университетах. Вскоре ему пришлось преодолевать последствия финансового краха Компании Южных морей³, «проталкивать через Палату общин решение, призванное по крайней мере защитить государственный долг и спасти лицо Двора» [Морган 2008, 379]. Выполнение этих задач создало Уолполу «репутацию «укрывателя» коррупции и обмана в высших сферах» [Морган 2008, 379].

Вступление на трон Георга II (1727) сопровождалось повсеместными ожиданиями перемен, но король не оправдал ожиданий. Упрочился статус сэра Роберта Уолпола. Однако его деятельность стали отождествлять с болезнями современного общества. Многие талантливые литераторы (Д. Гэй, Д. Свифт, Г. Филдинг и др.) выставляли на всеобщее обозрение недостатки проводимой им политики и указывали на небывалый рост коррупции. Именно коррупцию называли главной характеристикой т.н. «робинократии»⁴. Период нахождения Уолпола у власти сопровождался ощущением неблагополучия общества: «Алчность, мошенничество и истерия, сопровождавшие аферу Компании Южных морей, провозглашались главными пороками времени» [Морган 2008, 380]. Кроме того, в обществе разразился ряд громких скандалов, подорвавших доверие к высшим эшелонам власти⁵.

В середине 1730-х господству Уолпола сопутствовало возрастающее напряжение в обществе. Его акцизная реформа⁶ оказалась главным просчетом и привела к жестокой критике внутри и вне Парламента. Кроме того, стало расти недовольство существующим режимом, кульминацией которого стало давление

² Роберт Уолпол – самый могущественный политический деятель своего времени; его влияние на кабинет было столь велико, что его называют первым британским премьер-министром.

³ Финансовая пирамида, инициатором которой стал Роберт Хартли, видный английский политический деятель. Подробнее о Компании Южных морей см.: [Морган 2008, 377-379].

⁴ Робинократия – «правление Робина» (Робин – уменьшит. от Роберт); т.е. Роберта Уолпола.

⁵ В результате серии парламентских расследований было раскрыто широкое распространение коррупции в верхах. Подробнее об этом см.: [Морган 2008, 380-382].

⁶ Уолпол пытался провести законопроект о введении акцизного сбора на вино и табак. Его целью было пресечение контрабанды и злоупотреблений таможенников. Разумеется, лондонские коммерсанты не желали платить официальный налог, поэтому продолжали оказывать давление на Уолпола, пока он не отменил акциз. [электронный ресурс] – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/UOLPOL_ROBERT.html (дата обращения 08.05.2017).

на Уолпола, в результате чего он был вынужден объявить войну Испании в 1739 году. Затянувшаяся война в Европе стала одной из причин ослабления власти Уолпола. В результате выборов 1741 года его администрация была смещена, однако в истории навсегда упрочилась репутация Уолпола как в высшей степени успешного и при этом всеми ненавидимого премьер-министра [Langford 1998, 9-10].

Августинский век

В Англии середины XVIII века невероятных размеров достигли коррупция, манипуляции и плутократия. Однако, несмотря на все политические и экономические трудности, в этот период произошел небывалый подъем разных видов искусств. Возникает понятие «августинский век»⁷ (Augustan Age): это происходит из-за отождествления Англии XVIII века с Римом эпохи правления Октавиана Августа с 31 г. до н.э. по 14 г. н.э. – периода культурного расцвета и стабильности. Основными чертами этого периода стали гармония, равновесие, единство, ясность, рационализм [Ford 1991, 7]. Вот лишь некоторые представители «августинского» периода: А. Каули, Д. Драйден, Д. Уилмот (2-ой граф Рочестер), У. Конгрив, А. Поуп, С. Джонсон.

Термин «августинский век», как правило, используется для обозначения ведущих мотивов и характерных черт ряда английских произведений, созданных в период приблизительно с 1675 года до 1775 [Ford 1991, 161]. Принимая данное определение, Пэт Роджерс всё же верно отмечает, что не все произведения, написанные в это время, являются литературой «августинского периода». Однако этот термин удачно акцентирует внимание на конкретных установках, сложившихся в определенный исторический момент. Основными характеристиками как литературного произведения в целом, так и каждого

⁷ В русскоязычной научной литературе нет единого перевода термина «Augustan Age»: перевод «августинский» может ошибочно отождествляться с деятельностью Августина Блаженного, а не императора Августа. Мы полагаем, что правильным был бы перевод «августовский» век, однако в своей работе мы используем более употребительное в русскоязычных трудах определение «августинский».

отдельного положения считались: ясность (clarity), упорядоченность (order), сжатость (compression), обобщенность (generality), гладкость текста (smoothness of texture), изящность (refinement), сдержанность (restraint), вежливость (civility) и непринужденность (ease) [Ford 1991, 159].

Художники (в широком смысле) «августинского века» предъявляли высокие требования к человеку и, в частности, к поэту. Любое несовершенство, недостаток, человеческая слабость становились предметом нападок со стороны блюстителей морали. Классицисты устанавливали идеалы, к которым нужно стремиться, но которых, по-видимому, невозможно было достичь. Поэтому данному периоду свойственна двойственность: с одной стороны, неприкрытый дидактизм, убеждающий в необходимости нравственной эволюции человека, обретения им гармонии с собой и обществом; с другой стороны, суровая сатира, бичующая пороки, разоблачающая тех, кто разрушает общество и не дает ему меняться в лучшую сторону. Тем не менее, у подобного метода есть свои минусы: он не дает надежды, не содержит рецепта исправления, сухие наставления дают мало пользы, а жестокая насмешка лишь ранит, но не лечит. В этом ключе интересно проследить искания А. Поупа в области сатиры: его стремления и учить, и изобличать, и по-доброму подшучивать постоянно пересекаются и, по-видимому, отражают его литературные сомнения.

Помимо этого, необходимо помнить о трудностях определения «августинский век» применительно к Англии восемнадцатого века [Ford 1991, 160]; в качестве примера несоответствия критериям можно назвать «Дунсиаду» Поупа – своеобразную поэтическую провокацию, где нет и намёка на обобщенность, сдержанность и вежливость. Таким образом, в противовес «августинским» создавались и «антиавгустинские» произведения, в которых намеренно нарушались сложившиеся литературные правила. Нарушение литературных традиций нередко позволяет автору проявить свою оригинальность. Подобные эксперименты с традиционным в литературе нашли место и в творчестве Александра Поупа.

Биографические сведения

Александр Поуп⁸ родился в 1688 году. Александр Поуп старший, отец будущего поэта, занимался оптовой торговлей льном; он оставил дела в год, когда родился его сын, а в 1700 году переехал с семьей в Бинфилд в Виндзорском лесу. Поупы были приверженцами римской католической церкви (в протестантской Англии); данное обстоятельство стало препятствием для получения формального образования, так как католиков не принимали в университеты.

Читать Поупа научила тетя, а писать он научился сам, переписывая книги. Первым произведением, которое произвело неизгладимое впечатление на юного Поупа и заставило обратить пристальное внимание на поэзию, стала «Илиада» Гомера в переводе Джона Огилби (1660 г.). Издание было дополнено прекрасными иллюстрациями, а текст снабжен многочисленными комментариями. Кровавопролитные сражения, невероятная воинская сила и доблесть, проявленная героями, будоражили воображение будущего поэта. М. Мэк считает [Mask 1985, 45], что читатель⁹ XVII века видел в Ахилле, Гекторе и Агамемноне не только литературных персонажей или исторических троянцев и ахейцев, но и супергероев. Кроме героической составляющей в тексте также представлены разнообразные персонажи, которые действуют под влиянием различных страстей. Помимо самой поэмы и красочных изображений М. Мэк указывает [Mask 1985, 46] на особое влияние комментария к тексту: по-видимому, подобное осмысленное чтение сложного произведения способствовало развитию у Поупа стремления к познанию.

Некоторое время Поупа учил на дому католический священник. От него он получил базовые знания по латинской грамматике и риторике, а также

⁸ Биографические сведения взяты из энциклопедии Британника (статья Джона Батта), если не указано другое. [электронный ресурс] – URL: <http://global.britannica.com/biography/Alexander-Pope-English-author> (дата обращения 23.01.2016).

⁹ Также см.: [Allan 2010; Rivers 2001].

некоторые поверхностные знания по греческому языку [Mask 1985, 48].

Поуп посещал две католические школы (в Твайфорде, около Винчестера, и Гайд Парк Корнер), но большей частью своих знаний он обязан самообразованию. Играм со сверстниками он предпочитал уединение, во время которого он мог заняться чтением или рисованием. Учебная программа того времени могла мало удовлетворить пытливым ум и воображение юного Александра Поупа. В программу, как правило, входило чтение на латинском языке трактата Цицерона «Об обязанностях», «Метаморфоз» Овидия, «Энеиды» Вергилия; если школа предоставляла возможность изучать древнегреческий язык, то из текстов могли читать «Анабасис» Ксенофонта и басни Эзопа [Mask 1985, 51-52]. К сожалению, образовательная система в целом строилась так, что в независимости от выбранных античных авторов ученики выходили из школы с поверхностными знаниями, так как целью школьной программы было не образование личности, а развитие необходимых навыков. Ученик должен был уметь делать грамматический разбор латинских предложений, определять склонение, знать риторические фигуры [Mask 1985, 52]. Таким образом, чтобы получить настоящее образование, необходимо было заниматься самостоятельно. В 1700 году Поуп покинул школу и занялся самообразованием. Он много читал и создавал подражания произведениям великих поэтов, оттачивая своё мастерство.

Поместье, в котором жила семья А. Поупа (в окрестностях Виндзора), находилось недалеко от Лондона, поэтому у него была возможность часто туда ездить. Он рано сошелся с основными членами кружка Д. Драйдена, а именно: Уильямом Уичерли, Уильямом Уолшем и Генри Кромвелем. К 1705 году, когда были созданы черновики «Пасторалей», их читали лучшие литературные критики того времени. Джейкоб Тонсон, ведущий издатель поэтических произведений, способствовал их публикации, и они заняли почетное место в его «Поэтических Сборниках» в 1709 году.

Раннее становление Поупа как поэта случилось, отчасти, из-за его физических особенностей. Как результат слишком напряженной учебы, как он полагал, он заработал искривление позвоночника и разновидность туберкулеза, что прервало его рост и серьезно ослабило здоровье. Его окончательный рост был 1,4 метра, но величественный профиль и выразительность глаз украшали его внешность. Деформированность тела сделала его сверхчувствительным к физической боли. Хотя он был способен ездить на лошади и ему нравилось путешествовать, Поупу приходилось неизбежно отказываться от большого количества физической нагрузки, а его энергичный ум был направлен преимущественно на чтение и сочинительство.

К моменту опубликования «Пасторалей» Поуп уже работал над поэмой о поэтическом искусстве. Это был «Опыт о критике», с которым читатели познакомились в 1711 году. Многие его стихи стали афоризмами: “A little learning is a dangerous thing” (Недостаточная образованность – опасное дело), “To err is human, to forgive divine” (Ошибаться – удел человека, прощать – бога) и “For fools rush in where angels fear to tread” (Дураки рискуют там, где ангелы боятся ступить).

Настоящий успех и материальную обеспеченность Поупу принесли переводы эпических поэм Гомера на современный ему английский язык. Именно они способствовали его финансовой независимости, определяющей во многом и независимость в высказывании собственных взглядов.

В 30-е годы атаки критиков заставили его пересмотреть свою позицию как сатирика. Поуп на тот момент уже работал над своим *opus magnum* – сочинением, затрагивающим политические, этические, философские вопросы. «Опыт о человеке» и «Моральные опыты» были как бы черновиками большого сочинения, которое должно было охватить все важнейшие стороны человеческой жизни, стать итогом размышлений поэта. Однако после скандала, вызванного публикацией «Послания к Берлингтону» (4-ый *Моральный опыт*), Поупу пришлось отложить свой грандиозный замысел. Поэт был вынужден

защищать себя от критики и пытаться оградить те произведения, которые находились в разработке, от такой же негативной оценки. Он решил адаптировать первую сатиру второй книги Горация, где рассматриваются вопросы, связанные с этической стороной сатиры. После обсуждения данной темы в переписке с доктором Джоном Арбетнотом он адресует ему письмо в стихах – одну из его лучших поздних работ – в которое он вставляет фрагменты, созданные в течение нескольких лет. Его доводы в письме были традиционными: развращенность общественных нравов побудила его заклеить дерзких преступников, стоящих выше закона, скрывая имена некоторых и представляя прочих как типы.

Успех первой сатиры (1733) привел к публикации (1734-38) еще десяти подражаний горацианским темам, адаптированных в соответствии с современной английской действительностью. Он публиковал свои произведения параллельно с текстом оригинала, чтобы читатель мог сравнивать тексты и отмечать новшества А. Поупа. Цикл был завершён двумя диалогами в стихах, позже переизданных как «Эпилог к сатирам» (1738), где, как в «Письме к доктору Арбетноту», А. Поуп изобретательно совмещает собственную защиту с пересмотром традиционного оправдания сатирика. В этих подражаниях и диалогах Поуп направил свои атаки против погрязшей в коррупции власти, меркантильно мыслящих виггов, против порочного влияния денег; в то же время он попытался восстановить и проиллюстрировать старые горацианские устои безмятежной и умеренной жизни. Его беспокойство относительно возобладавших принципов было показано еще раз в его последней завершённой работе «Новая Дунсиада» (1742), позднее изданной в виде четвертой книги «Дунсиады» (1743). Поуп также начал работу над эпической поэмой «Брут» и занялся переработкой своих произведений для нового издания, но не успел закончить. Поэт умер 30 мая 1744 года, оставив после себя богатое поэтическое наследие, которое не перестает привлекать внимание читателей и исследователей.

Глава 2. Жанровое своеобразие сборника «Подражания Горацию»

Литературные подражания в Англии (кон.XVII – пер.пол.XVIII века)

Английские подражания (imitation) стали появляться, преимущественно, после Реставрации (1660 г.). Есть лишь несколько примеров подражаний, созданных до этого времени, а в словарях, как утверждает Г. Уайнброт, нет определения для данного термина до 1755 года [Weinbrot 1969, 1] (речь не идет о тех подражаниях, которые по сути были переводами оригинала). Жанр подражания достиг небывалого расцвета в конце XVII – первой половине XVIII века. Лучшими подражаниями, созданными в Англии, стали «Подражания Горацию» А. Поупа. Одним из последних удачных опытов создания имитации стало сочинение С. Джонсона «Тщета человеческих желаний» (1749 г.). Можно назвать следующие причины, побудившие авторов обратиться к данному жанру: во-первых, широко распространилось философское представление об общей природе людей (general nature). Иными словами, люди и их прегрешения одинаковы во все времена, поэтому можно выбирать те формы, с которыми античные поэты уже работали. Помимо этого, обращение к античным сочинениям позволяет обогатить современные произведения идеями и поэтическими находками древних поэтов. Наконец, главным художественным принципом классицисты считали подражание античности. По их мнению, оно состояло в том, чтобы подражать природе [Weinbrot 1969, 2].

Английские писатели, обращаясь к жанру подражания (в данном случае понимаем подражание как заимствование из оригинала с целью обогащения своего текста), подходили к тексту так же, как в свое время делали греческие и римские авторы: литература была общим достоянием, можно было брать любой мотив, сюжет, прием и пр. и по-новому обыгрывать его в своем произведении [Weinbrot 1969, 6]. За правило взяли совет Горация не переводить слово за

слово: *nes verbo verbum curabis reddere...* [Hor., Ars Poetica, 133] (*ты позаботишься, чтобы не передавать слово словом*).

Отметим, что, говоря о подражании, необходимо помнить и об особенностях передачи произведения с одного языка на другой, то есть о переводе. Распространенная практика переводов и издания двуязычных книг оказала влияние на развитие подражаний. Первые подражания представляли собой недословный перевод с современными реалиями. С. Джонсон в своем словаре определял подражание как метод перевода, более свободный, чем парафраз, в котором вместо античных используются современные примеры и пояснения (цит.по: [Weinbrot 1969, 14]). Но есть два существенных отличия: во-первых, у переводчика та же цель, что и у автора оригинального произведения, он стремится максимально точно передать содержание; тогда как поэт, создающий подражание, может преследовать собственные цели [Weinbrot 1969, 14]. Во-вторых, при чтении перевода вовсе не обязательно знать оригинал (затем и создается перевод, чтобы даже те, кто не владеет языком оригинала, могли познакомиться с произведением); но при чтении подражания необходимо узнавание оригинала, чтобы сравнивать, видеть параллели и противопоставления.

Другой источник августинских подражаний – это пародии эпохи Реставрации [Weinbrot 1969, 17]. Пародию или травести также можно отнести к области недословного перевода. Она появилась в Англии незадолго до первых формальных подражаний [Weinbrot 1969, 22-23]. Пародия требует знания пародируемого оригинала и включает объемные цитаты из оригинала (для большего узнавания и создания внешнего сходства). Пародия также должна содержать оригинальную остроумную мысль (*original wit*) [Weinbrot 1969, 23]. Поэтому нередко пародию приравнивали к подражанию [Weinbrot 1969, 17].

Первоначально А. Поуп воспринимал подражание практически как перевод. Руководствуясь этим представлением, на начальном этапе творчества он создавал подражания – переводы понравившихся авторов, чтобы изучить

таким образом технику стихосложения. Когда впоследствии Поуп вновь обратится к данному жанру, называть он его будет всегда по-разному: сборник озаглавит «Подражания Горацию» («Imitations of Horace»); в «Анекдотах» Д. Спенса [Rhys 1858, 139] будет говорить об истории создания первого подражания и попеременно употреблять глаголы «imitate» и «translate» (translation); в письме к Свифту Поуп отметит, что «перевёл или скорее спародировал...» (parody) очередную сатиру Горация [Letters 1960, 260]. Тот факт, что Поуп использует все термины (перевод, пародия, подражание) в одном значении, говорит о сходстве жанров и о невозможности полного их разграничения в рамках его подражаний. Все они расширяют понимание оригинального произведения и придерживаются горицианского принципа *nes verbum verbo reddere*.

Формирование и эволюция жанра сатиры

Согласно мнению Пэт Роджерс, сатира, как правило, является формой реакции на актуальные события [Ford 1991, 171]. По его мнению, другие жанры¹⁰ литературы тоже обращаются к повседневной жизни, но в сатире сильнее выражена зависимость от актуальных событий и конкретных личностей. Интерес для исследователей представляет использование насмешки (mock) в её разных проявлениях.

Именно характер насмешки (в более широком смысле – характер комического) определяет особенности сатиры. Важно помнить, что отдельным жанром сатира была только в эпоху античности [Дуров 1987, 11], но в процессе развития и соприкосновения с другими жанрами потеряла индивидуальные черты. В русском литературоведении сатиру определяют как особый вид комического,

¹⁰ Учёный рассматривает сатиру как отдельный жанр.

отличающийся резкостью обличения.¹¹ В «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова дается следующее определение: «сатира – обличительное литературное произведение, изображающее отрицательные явления действительности в смешном, уродливом виде» [Ушаков 1935-40, s.v. сатира].

Сатирики XVIII века разработали целый арсенал новых приемов для описания и противопоставления идей, ценностей, принципов, стилей, характерных черт [Ford 1991, 172]. Отметим, что в рассматриваемый период было принято (в широком смысле) противопоставлять явления: высокое и низкое искусство, положительные и отрицательные герои, умеренная и бичующая сатира и т.д. Большинство сатириков «августинской» эпохи обращается к бинарным оппозициям, «противопоставляя великанов и гномов, древних и новых, великих мужей (политиков) и их маленьких страдающих подданных, героев и ничтожных людей» [Ford 1991, 172]. Насмешка (*mock*) появляется при столкновении двух противоположных элементов.

В разные эпохи авторы могли отдавать предпочтение эпосу или лирике, создавать драматические произведения или романы, чтобы передать чувство изменчивости, непрерывного движения; в ганноверскую эпоху сатира стала естественной формой для выражения подобных идей [Ford 1991, 180].

Д. Гриффин считает [Griffin 2015, 6], что ядром теории сатиры и основной проблемой истории жанра является попытка различить два начала: ‘сатирическое’ от греч. «*σάτυρος*» (сатир; дикая сатира) и ‘смешанное’ от лат. «*lanx satura*» (блюдо со различными плодами, всякая всячина; сатира как нечто неоднородное, смешанное, предлагающее пищу для размышлений). Так ученый предлагает видеть в истории развития сатиры непрекращающиеся попытки, с одной стороны, ограничить рамками «необузданную» сатиру, включить в неё

¹¹[электр.ресурс]–URL:

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4173/%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%B0 (дата обращения 09.05.2017).

моральную составляющую; с другой стороны, придать единство разнородной тематике и придерживаться ясности формы [Griffin 2015, 6].

Эволюция представлений поэтов и критиков о природе сатиры позволяет сделать выводы относительно места сатиры в творчестве Александра Поупа.

В публицистической литературе историю сатиры часто начинают с Горация (65-8 гг. до н.э.), опуская творчество Луцилия (180/148-102/101 гг. до н.э.). Причиной этого может быть плохая сохранность текстов Луцилия, большой разброс его тем и сюжетов, меньшая отделка стиха. Однако важно помнить, что у Луцилия мы впервые встречаем важный элемент сатиры – образ самого сатирика в тексте.

Однако самым прославленным сатириком античности был Гораций.¹² В своих программных сатирах (Sat. I.4, I.10; II.1) он высказывал следующую идею: сатирик, выражаясь свободно, стремится насмешкой заставить людей отказаться от безрассудных поступков. Долгая традиция восприятия горацианской сатиры как морализаторской и умеренной произрастает из этого утверждения [Griffin 2015, 7]. При этом необходимо помнить, что сатирическая программа Горация является не столько авторским манифестом, сколько ответом на конкретную критику его произведений: их считали злобными и излишне жестокими. Кроме того, поэт, с одной стороны, должен был заявить о преемственности между ним и его знаменитым предшественником, Луцилием, а с другой стороны, отстраниться от старшего сатирика. Гораций и Луцилий оба писали в традиции «*satura*» (смесь): сатиры затрагивали разнообразный материал. Однако Гораций ставил Луцилию в вину безыскусность и даже грубость (Sat. I.10, 1-3). В противоположность своему предшественнику Гораций добивался отточенности и безупречности стиха. В первой книге сатир Гораций называет свои произведения «*sermones*» (*разговоры*) (термин заимствован у Луцилия). Лишь во второй книге, определяя себя как искусного

¹² О сатире Горация см.: [Freudenburg 1990; Fraenkel 1997; Ullman 1917; Дуров 1993].

сатирика, поэт возвращается к древнему термину «*satura*» (Sat. II.1, 1). Важно помнить, что на практике поэт может выходить за рамки заявленной теоретической программы (например, рассказ о Приапе (Sat. I.8), путешествие в Брундизий (Sat. I.5)) [Griffin 2015, 8]. Поэтому программные установки поэта относительно сатиры необходимо воспринимать с большой осторожностью, «так как они представлены нам не как теория, но как выразительные высказывания, вплетенные в отдельные сатиры в то время, когда жанр всё ещё формировался» [Griffin 2015, 8]. Гриффин задается вопросом: «Что, в конце концов, мог практикующий теоретик во времена Горация сотворить из огромного разнообразия сатирических форм: греческой сатирической драмы¹³, Древней комедии¹⁴, стоической диатрибы¹⁵ и архилоховых ямбов¹⁶, латинских фесценнин¹⁷, Новой комедии¹⁸ и сатирических смесей¹⁹ (в стихах и прозе)?»

¹³ Сатирическая драма – «местные веселые сценические представления на Пелопоннесе. Их основными персонажами были сатиры из свиты Диониса. Им прицепляли толстые животы, либо – (в Афинах) конские хвосты и фаллосы. Этим персонажам было присуще неумеренное обжорство, пьянство и чувственность». Словарь античности. [электронный ресурс] – URL: http://dictionary_of_ancient.academic.ru/3621/%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (дата обращения 06.05.2017).

¹⁴ Древняя комедия – разновидность древнегреческой комедии, характерными признаками которой являются: «ярко выраженная общественная направленность, политическая сатира, гротескно-фантастический сюжет и соответствующая ему система образов (комедии Аристофана, Кратина, Евполида)». Хронологические рамки: приблизительно 486–404 гг. до н.э. Новая комедия «сосредоточивает внимание на бытовых и семейных отношениях». Время расцвета: конец IV в. до н.э. – III в. до н.э.

Ярхо В.Н. У истоков европейской комедии. [электронный ресурс] – URL: http://literary_encyclopedia.academic.ru/5918/%D0%90%D0%A2%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF_%D0%9A%D0%9E%D0%9C%D0%95%D0%94%D0%98%D0%AF (дата обращения 06.05.2017).

¹⁵ Диатриба – «специфически устная форма речи, импровизация, возникающая по конкретному поводу и перед конкретной публикой; она развилась из сократической беседы и была бессмысленна вне прямого общения с аудиторией, обмена репликами, личных выпадов и перебранки. Поэтому при письменной фиксации диатриба переставала быть диатрибой и сближалась с литературным диалогом, трактатом, памфлетом, сатирой, письмом...» [Гаспаров 1971, 131].

¹⁶ Архилох (VII в. до н.э.) «первым из народных песен-поношений насмешливого и обличительного характера (ямбы) создает ямбическую поэзию, в которой сатира, обличение и инвектива <...> используются в личной полемике по общественно значимым и частным вопросам» [Чистякова, Вулих 1971, 65].

¹⁷ Фесценнины – «народная италийская шуточная песня, исполнявшаяся попеременно на свадьбах и праздниках урожая, иногда носила непристойный характер, кроме того, шуточные стихи во время триумфальных шествий». Словарь античности. [электронный ресурс] – URL: http://dictionary_of_ancient.academic.ru/4317/%D0%A4%D0%B5%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%8B (дата обращения 06.05.2017).

¹⁸ см. выше.: прим.12.

¹⁹ Мениппова сатира – «жанр античной литературы, который характеризуется свободным соединением стихов и прозы, серьезности и комизма, философских рассуждений и сатирического осмеяния, общей пародийной установкой...». Большой энциклопедический словарь, 2000. [электронный ресурс] – URL:

Кроме того, ученый подчеркивает сложность жанровой классификации, поскольку Гораций распространил сатирическую деятельность на несколько жанровых форм – сатиры, эподы, позже – послания [Griffin 2015, 9]. Античные грамматики знали несколько разновидностей сатиры. Однако уже они спорили относительно линии развития жанра: восходит ли инвектива Луцилия к Древней комедии, сатировой драме, Архилоху? Следует обратить внимание на то, что в разные периоды обращения к жанру сатиры появлялись и различные определения в зависимости от того, какой признак сатиры в данный момент считается определяющим: разнообразие материала, уничижающая инвектива, свободное высказывание, грубая насмешка или моральная функция [Griffin 2015, 9].

Следующий знаменитый сатирик античности – Персий. Он прожил недолгую жизнь, от него дошла только одна книга сатир, изданная, по-видимому, после его смерти. Персий – приемник Луцилия и Горация, он также высмеивает различные пороки, но его сатиры носят скорее характер «проповедей». «Сатира – это поэзия, которую создают главным образом личный опыт и переживания самого поэта. И Луцилию, и Горацию сатира служила для изложения прежде всего их личных наблюдений и раздумий о жизни» [Дуров 1987, 96]. А сатира Персия носит довольно обобщенный характер, актуальность и злободневность отсутствуют, некоторые намеки не ясны, что делает его поэзию «темной»²⁰. Кроме того, в сатирах Персия «при общем количестве стихов – 650 <...> обнаружено свыше 250 заимствований из Горация» [Дуров 1987, 97]. Неудивительно, что при сравнении с двумя наиболее яркими представителями жанра (Горацием и Ювеналом), каждый из которых привнес нечто новое, Персий отходит на второй план.

<http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/195138> (дата обращения 06.05.2017).

²⁰ В период наивысшего расцвета классицизма «темная» поэзия не могла особенно привлекать, поскольку одним из основных требований классицистической теории была ясность выражения мысли.

Последним великим античным сатириком в теории литературы стал Ювенал. Именно благодаря ему сложилось современное понимание термина «сатира». «В истории европейской культуры и литературы Ювенал стал символом поэта-обличителя политического деспотизма и нравственного разложения» [Дуров 1987, 111]. Следует отметить, что его ранние сатиры являются по-настоящему жестокими и бескомпромиссными. Римское общество выглядит намного хуже еще и потому, что сатирик уравнивает все моральные проступки, а в окружающей действительности видит лишь пороки [Дуров 1987, 124]. Что касается поздних работ, то здесь уже в меньшей степени проявляется негодование. Здесь Ювенал предстает как кабинетный учёный, опытный ритор, который наполняет тексты сентенциями и уже не стремится заклеймить всех грешников, а лишь с пессимизмом взирает на окружающую его действительность. Тем не менее, в памяти потомков Ювенал навсегда остался сатириком, «бичующим пороки». Он соединил «традиционный жанр стихотворной сатиры с жанром прозаической декламации» и создал новую разновидность сатиры, а «придав сатире характер резкой инвективы, навсегда закрепил за ней обличительное содержание» [Дуров 1987, 128].

Английские писатели опирались на несколько литературных традиций: средневековый жанр «жалобы» (complaint); диалоги в духе Лукиана, которые ко времени Реформации прочно ассоциировались с атеистическими насмешками; традиция эпистолярной сатиры в Италии, избравшая в качестве образца преимущественно Горация. Несмотря на богато представленную традицию и восстановление классической римской формальной сатиры, в XVI-XVII вв. возобладала версия о том, что сатира как жанр восходит к греческой сатирической драме. По-видимому, большинство практикующих английских сатириков в период с 1590 до 1620 года были убеждены, что сатира должна быть грубой, содержать издевку, иными словами, быть написанной таким образом, словно это речь сатира [Griffin 2015, 10]. Подобное представление было основано на неверном понимании природы греческой сатирической драмы:

было широко распространено мнение, что она состояла из суровых порицаний, а не комических пародий на мифологические сюжеты со счастливой концовкой. Кроме того, как показал Исаак Казабон (подробнее см. ниже), ложное представление также было результатом непонимания различий между греческой традицией сатировой драмы и римской сатиры. Важно отметить, что в этот период Горация как сатирика вообще не брали в расчет. Елизаветинцам была ближе сатира Ювенала, но, чтобы он соответствовал их представлениям, пришлось закрепить вокруг него образ озлобленного, свирепого и негодующего бичевателя пороков. Разумеется, не все отдавали предпочтение Ювеналу. В Англии было достаточно авторов, которые опирались на традицию Горация; были известны итальянские произведения, восходящие к Горацию (хотя сатиры Ариосто, изданные в 1534 году, были переведены на английский язык только в 1608 году). Джон Донн (1572-1631), самый яркий поэт-сатирик конца елизаветинской эпохи – начала эпохи Стюартов, опирался скорее на модель Горация, нежели Ювенала. Тем не менее, остается загадкой, почему теория сатиры конца XVI – начала XVII века не основывалась целиком на горацианских установках, а предпочтение отдавали Ювеналу [Griffin 2015, 12].

Центральной работой по теории сатиры в эпоху Ренессанса стало исследование француза Исаака Казабона «*De Satyrica Graecorum Poesi et Romanorum Satira*» («О сатирической поэзии греков и сатире римлян») (1605). Учёный разделил греческую и римскую сатирические традиции, указал разные пути их развития, высоко оценил разнообразие форм и стилей сатиры. Отдавая предпочтение Персии, который, по его мнению, был «первым, кто обогатил, исправил и изменил к лучшему римскую сатиру», Казабон оказывает должное внимание Горацию и Ювеналу: первого он хвалит за отточенность высказывания, простоту и особый шарм, а второго – за интересные находки, богатство примеров и силу языка. К сожалению, теория Казабона не стала общепринятой в мировой науке. Среди учёных образовалось два лагеря: И. Казабон и его последователи Никола Риго и Андре Дасье; противоположная сторона –

Жозеф Скалигер и Даниель Гейнзиус – настаивала на том, что греческая и римская сатира формировали единую традицию; учёные настаивали на старом представлении о сатире как изначально драматической форме, возникшей из сатировой драмы. Каждая «партия» выдвигала своих античных кумиров: Скалигер предпочел Горация Персию, назвав в качестве недостатков второго – неясность, неуместность и неестественность [Griffin 2015, 13]. Риго, издав Ювенала и Персия, не уделил внимания Горацию, который традиционно входил в сатирический триумvirат. Гейнзиус утверждал, что Ювенал неподобающим образом описал серьезные проступки и проявления жестокости, не подходящие для сатиры; в качестве образца сатирика он избрал Горация (произведения которого он издавал); по его мнению, сатирик должен смешить, а не запугивать [Griffin 2015, 14].

Согласно точному замечанию Джона Драйдена (1631-1700), любой исследователь, занимавшийся античными сатириками, должен был предпочесть одного сатирика в ущерб двум другим [цит. по: Griffin 2015, 14]. Именно Драйден²¹ стал самым влиятельным наследником идей Казабона и критиков XVII века. В большей степени, чем другие критики, он придерживался идеи Казабона о разнообразии сатиры и разных достижениях римских сатириков и пытался каждому воздать должное. Главным трудом Драйдена по теории сатиры стало эссе «Рассуждение о происхождении и развитии сатиры», опубликованное в 1693 году в качестве предисловия к переводу сатир Ювенала и Персия. Данное эссе оказало огромное влияние на последующее теоретическое осмысление сатиры в XVIII веке [Griffin 2015, 15]. Вероятно, вес его труду придало то, что сам Драйден сочинял сатиры, т.е. реализовывал свои теоретические идеи на практике. В конце XVII века вопросы относительно природы и назначения сатиры все еще сохранялись. Драйден был «непримиримым к сатире спекулятивной, антихудожественной,

²¹ Также о сатире Драйдена см.: [Frost 1971; Pritchard 2006].

поверхностно имитирующей «сатирическое негодование»» [Васильева 1991, 6]. Он считал, что сатира должна иметь политическую цель. Драйден показал «необходимость присутствия в высокой политической сатире не только обличения, но и иронического одобрения» [Васильева 1991, 11]. Он также дал обоснование для сатиры, направленной против конкретной личности: во-первых, если необходимо ответить на личностное оскорбление, если его нельзя стерпеть, а иного способа ответить нет; во-вторых, если «объект сатиры явно вредоносен и опасен для общества. Тогда личностное и гражданственное негодование сливаются, и сатирик, обличающий врага общества, безусловно прав» [Васильева 1991, 14]. Опорой при создании сатирического эффекта Драйден называл европейский бурлеск, а также забавные истории о дураках.

Т. Васильева полагает, что Драйден как «основоположник политической сатиры времен создания конституционно-монархического режима», стал для Александра Поупа образцом в жанре сатиры [Васильева 1991, 37]. Однако Поуп, по-видимому, испытал и другие влияния.

Важным этапом практического развития сатиры в Англии стало издание сатирико-нравоучительных журналов Джозефа Аддисона и Ричарда Стиля. «Приступая к изданию «Болтуна» (1709 г.), Стиль ориентировался главным образом на читателей, которые не любили, не привыкли или, по причине невежества, не умели задумываться над нравственно-этическими вопросами» [Рак 1966, 52]. Журнал преимущественно был рассчитан на светское общество; Стиль считал, что основным недостатком его представителей было легкомыслие. Серьезные нравоучения навевали скуку, а Стиль желал перевоспитать общество. Но вначале он хотел «приучить их размышлять и внушить им исподволь, что нельзя руководствоваться лишь прихотями, страстями и желаниями» [Рак 1966, 52].

Аддисон и Стиль активно использовали сатирические зарисовки в своих изданиях. Поскольку разнообразие жанровых форм сатиры было очевидным,

необходимо было создать основательную теоретическую базу: определить значение, функции и эффективные формы сатиры. В обществе разгорелась полемика. В сознании англичан сатира приравнивалась к остроумию. Злую насмешку любили остроумцы (men of wit). А для «противников остроумия сатирическая насмешка была разновидностью злословия» [Рак 1966, 247]. В противовес этому мнению В. Рак приводит мнение Э. Шефтсбери (1671-1713): для него «остроумие и смех – оружие свободомыслия против лжи, суеверных предрассудков, лицемерия, один из методов рассуждения и поисков истины» [Рак 1966, 269]. То есть смех рассматривается, как способ высказать истину (в данном случае понятия «насмешка», «смех», «сатира» тесно связаны). Также В. Рак показывает, что «опыт Аддисона и Стиля в «Болтуне» и «Зрителе» убедительно доказал, что остроумие может отлично служить серьёзным нравоучительным целям, не только не умаляя, но, напротив, повышая воспитательную ценность и эффективность художественной литературы» [Рак 1966, 132].

Постепенно оформилась тенденция к смягчению сатиры. Моделью для подражания стал Гораций и его умеренная сатира. Важной нравственной составляющей такой сатиры стало отсутствие намеков на реальных лиц. Главным принципом стала типизация – что прекрасно отвечало установкам эстетики классицизма (принцип изображать «общечеловеческое, универсальное»), а также позволяло судить беспристрастно. Аддисон и Стиль, используя «умеренную», «обобщающую» сатиру, помогают отделить ее в сознании англичан от злословия, сплетни, клеветы [Рак 1966, 315]. Они пропагандируют важность видеть в любой ситуации что-то хорошее. В сатире, по их представлениям, категорически нельзя описывать серьезные преступления, затрагивать темы политики и религии. Вместо этого стоит обращать внимание на необдуманные поступки и маленькие глупости. «Основное отличие сатиры Аддисона и Стиля состояло в том, что она представляла собою благовоспитанную, мягкую, доброжелательную насмешку

и должна была вызывать не взрывы едкого хохота, а снисходительную улыбку, которую выражала не столько презрение, сколько чувство жалости» [Рак 1966, 360].

При рассмотрении английской сатиры этого периода нельзя не упомянуть и Джонатана Свифта. Он как никто другой умел высмеивать пороки общества, облакая свои произведения в популярные литературные формы и пародируя их: так «Путешествия Гулливера» написаны на манер рассказов о путешествиях, а «Скромное предложение» – в виде памфлета, в котором идеи исправления общества доведены до абсурда. Он также оказал значительное влияние на творчество Александра Поупа и его понимание назначения сатиры.

Сатира в творчестве Александра Поупа

К сатирическим произведениям Поупа можно отнести две ироикомические поэмы («Похищение локона», «Дунсиада»), серию подражаний Горацию, «Моральные опыты» и еще ряд более мелких произведений. Работа с данным жанром началась еще 10-е годы XVIII века, когда Поуп входил в «Клуб Мартина Скрибблеруса (Писаки)». Его участники сформировали определенный тип сатиры: наполненную аллюзиями, интеллектуальную и обличительную [Ford 1991, 175]. Клуб возник в 1713 году как ответ на оппозиционные клубы политических лидеров (Kitkat's Club вигов, October's Club тори, The Brother's Club Болингброка). Свифт и Арбетнот вместе с А. Поупом, Д. Гэм и Т. Парнеллом объединились, чтобы «трудиться над улучшением литературного языка, преодолевать схоластику, лжеученость и педантизм в образе мыслей и философско-нравственных суждениях» [Васильева 1991, 60]. Руководствуясь этой целью, участники стали создавать сатирические произведения. Название клуба и имя главного персонажа сатиры было подсказано Д. Свифтом, которого друзья в шутку называли «Мартин-Писакой». Ему также принадлежал основной замысел «создания мемуаров ученого, нелепого чудака» [Васильева 1991, 74-75].

В результате ослабления тори (из-за смерти королевы Анны и прихода к власти Георга I, покровительствовавшего вигам) и вынужденного отъезда Свифта в Ирландию клуб скрибблерианцев перестал существовать. Но его идеи продолжали волновать сердца участников объединения Мартина-Писаки. Эти идеи будут реализованы в 20-30-е годы в виде «Оперы нищего» Гэя, «Путешествия Гулливера» Свифта, «Дунсиады» и трех сборников скрибблерианской «Смеси» (Miscellanies), изданных Поупом [Васильева 1991, 75]. Согласно мнению Т. Васильевой [Васильева 1991, 89], для Поупа основным форматом политической сатиры стал тот, который сформировался под влиянием Свифта. Такая сатира с политической направленностью возникла в результате разочарования в политике, проводимой Ганноверами и их министрами: слишком явным было несоответствие ожиданий с реальным положением дел. «Знали бы Свифт или доктор Джонсон <...>, что время, когда они жили и творили, считается ныне «веком разума», – и они бы искренне удивились и от души посмеялись» [Ливергант 2009, 5].

Таким образом, А. Поуп сформировал свое представление о сатире, ее основных целях и приемах под влиянием: во-первых, античных сатириков, тексты которых дают представление о жанре, его главных разновидностях; во-вторых, своего предшественника на сатирическом поприще – Драйдена – прошедшего путь от абстрактно-нравственной к умеренной политической сатире. В-третьих, журналов Аддисона и Стиля, которые предлагали аполитическую умеренную сатиру (Поуп до разрыва отношений с Аддисоном даже писал для журнала). В-четвертых, на него оказал влияние «Клуб Мартина-Писаки» и его идейный лидер Д. Свифт, который избрал в качестве средства исправления общества «ювеналов бич» и противопоставил его умеренной сатире Аддисона и Стиля. Александр Поуп воспринял эти идеи и при создании поздних произведений смог реализовать уже свои собственные представления о сатире.

Сборник А. Поупа «Подражания Горацию»

К началу 30-х годов, когда Поуп начинает создавать «Подражания Горацию», он уже известный поэт – были изданы его «Пасторали» (1709), «Опыт о критике» (1711), «Виндзорский лес» (1713), «Похищение локона» (1712) – и переводчик «Илиады» Гомера (1715-1720). К этому времени поэт «окончательно отказывается от пассивной созерцательности» [Сидорченко 1987, 184] и стремится занять активную общественную позицию. Его сатиры и нравственно-философские послания появляются «как художественное осмысление неприглядной английской действительности. Не случайно одной из центральных тем в них становится тема морального облика правителя, неправильного использования богатства, разрушающего влияния всевластия» [Мирошкина 2000, 34]. Помимо желания быть деятельным гражданином влияние оказывают и обстоятельства личного характера. В это время должен был вновь уехать из Англии друг Поупа – виконт Болингброк; вынужден оставаться в Ирландии тяжело больной Свифт; в 1732 году умирает Джон Гэй, а в 1735 году – Дж. Арбетнот [Мирошкина 2000, 36].

Постепенно у Поупа формируется идея создания «великой моральной поэмы» [Мирошкина 2000, 36], которую он отчасти реализует в философской поэме «Опыт о человеке» (1732-1734) и «Моральных опытах» (1731-1735). При этом Поуп одновременно работает над сатирической поэмой «Дунсиада» (1728-1743), а также пишет отдельные сатиры. Поэт параллельно работает с жанрами послания, сатиры и эссе, которые во многом схожи; их соотношение в творчестве Александра Поупа представляет интерес для отдельного исследования, и после знакомства с текстами можно согласиться с мнением В. А. Мирошкиной, что для ряда произведений Поупа характерна «синтетическая жанровая природа»²² [Мирошкина 2000, 161].

²² Следует заметить, что у В. А. Мирошкиной речь идет о жанровых особенностях «Моральных опытов», но мы считаем, что и в случае «Подражаний» данная характеристика будет не менее уместна. Также см.: [Мокробородова 1987].

Итак, необходимо помнить, что Поуп одновременно создает ряд различных (на первый взгляд) по форме и содержанию произведений и при этом вынашивает план грандиозной поэмы о человеческой морали. И его замысел становится понятным, если вернуться к вышесказанному, а именно: Поуп недоволен текущим состоянием дел в обществе, которым управляют аморальные люди, следовательно, он видит свою цель в том, чтобы показать, в чем они ошибаются, и дать «рецепт», как надо жить. «Обличая пороки, учить добродетели» – урок, который преподал ему Гораций, Александр Поуп попытался применить на практике.

Как мы уже писали выше²³, Поуп создал первое «Подражание Горацию» из-за желания оградить себя от критики недоброжелателей. Он грамотно выбрал способ защиты: поэт не стал создавать оригинальные стихи, в которых мог бы изложить свою точку зрения напрямую и попытаться оправдать себя. Поуп как бы выступил под маской Горация: с одной стороны, продемонстрировал остроумные параллели с античным поэтом, обществом и обстоятельствами; с другой стороны, «спрятался» за авторитетом величайшего римского сатирика. Критика [Kupersmith 2007, 85], которая последовала за этим подражанием, оказалась бессильна выставить весомые аргументы, подтверждающие несостоятельность автора как сатирика. Подражание успешно справилось со своей задачей. Тогда Поуп решил не останавливаться на одном произведении, а продолжить ряд подражаний римскому поэту (а вскоре добавил и подражание английскому сатирику Д. Донну), чтобы: во-первых, регулярно отражать нападки порицателей, во-вторых, сопровождать большие морально-философские произведения (см. выше) своего рода «комментарием»: на сравнительно небольшом объеме подражаний Поуп показывал реальное положение дел – аморальность конкретных людей, их прегрешения – после

²³ См. 14-15 с.

чего можно было их обобщать, выводить типы и включать в свой философский труд.

Сборник Поупа «Подражания Горацию» на первый взгляд может показаться разнородным: он состоит из подражаний сатирам (II.1, II.2, I.2), посланиям (I.1, I.6, I.7, II.1, II.2) и одам (IV.1, IV.9) Горация, а также включает парафраз нескольких сатир Джона Донна (II, IV), подражание сатире Горация (II.6), часть которого написал Д. Свифт, «Послание к Арбетноту» (впоследствии ставшее прологом к сборнику) и Эпилог (в двух диалогах)²⁴. Однако при более детальном рассмотрении, просматривается общая направленность. Она была вызвана теми обстоятельствами, о которых мы говорили выше, а также личными предпочтениями автора.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем три первых подражания сатирам Горация, которые максимально приближают читателя к пониманию особенностей горацанской сатиры и ее рецепции в творчестве А. Поупа.

Помимо этого мы проанализируем утверждения ученых о том, что сатира Поупа при внешнем сходстве с горацанской сатирой скорее должна быть отнесена к ювеналовой. Так, например, Д. Таппер отмечает, что стихи Поупа в сатире II.1 более агрессивны и чаще направлены на порицание конкретных личностей (критерии ювеналовой сатиры); свое убеждение относительно преобладания ювеналовой сатиры у Поупа Д. Таппер подкрепляет цитатой другого ученого: «it is much more in the manner of Juvenal than of Horace» (сатира в гораздо большей степени в манере Ювенала, чем Горация) [Tupper 1900, 208]. У. Куперсмит разделяет сатиры Горация и Поупа соответственно на *persuasive* (убеждающие) и *punitive* (карающие) [Kupersmith 2007, 81]. Это деление соответствует традиционному противопоставлению горацанской и ювеналовой сатиры. Т. Васильева полагает, что в конце 30-х годов Поуп

²⁴ Подробнее см.: [Tupper 1900].

подводит итог и отмечает переход от гораціанской сатиры к сатире приближенной к Персию и Ювеналу [Васильева 1979, 48].

Латинские тексты А. Поупа

Согласно мнению ученых [Bloom 1948, 150-155], в распоряжении А. Поупа было несколько изданий Горация:

- 1) Daniel Heinsius, Quintus Horatius Flaccus, Leyden, 1629.
- 2) Louis Desprez, Q.Horatii Flacci Opera, Amsterdam, 1695.
- 3) Richard Bentley, Q.Horatius Flaccus, Cambridge, 1711.
- 4) Alexander Cunningham, Q.Horatii Flacci Poemata, London, 1721.

Считается, что в качестве основного текста А. Поуп использовал издание Гейнзиуса (1629) [Bloom 1948, 152]. При публикации латинского текста он практически ничего не менял, за исключением пунктуации в тех местах, где, как ему казалось, она лучше подчеркивала смысл и настрой его собственного перевода. Кроме того, не смотря на непростые отношения с Ричардом Бентли, Поуп также пользовался и его изданием Горация и даже принимал некоторые наиболее надежные и обоснованные исправления ученого. Поуп готов был согласиться с тем чтением, которое предлагала авторитетная рукопись, но с большим недоверием относился к оригинальным конъектурам Бентли. При этом, как отмечает Л. Блум [Bloom 1948, 153], Поуп преимущественно учитывал только те исправления Бентли, которые одобрил и принял в свой текст А. Каннингем.

Таким образом, у Поупа получилась компиляция трех текстов: один, принятый как основной, и два критических издания, с которыми он постоянно сверялся.

Такой подход к выбору текстов изданий может многое сказать об отношении поэта XVIII века к античной поэзии. Поуп, безусловно, с большим почтением относится к Горацию, но берет из него лишь то, что согласуется с его собственными идеями и подкрепляет их. При работе с латинским оригиналом

он опирается на мнение специалистов, но не стремится издать «правильный» текст, а подчиняет горациевы *sermones* своим задачам.

Глава 3. Сопоставительный анализ. Сатира II.1 и Подражание сатире II.1

Сатира Горация датируется приблизительно 30 г. до н.э; она представляет собой общее вступление ко второй книге, и хотя стоит первой, написана была, по-видимому, последней. В ней поэт пытается защитить себя; Гораций обнаружил, что сатиры сделали его непопулярным (см. Sat. I.4). Возможно, ему советовали отказаться от них и заняться другими видами поэзии. Данная сатира может рассматриваться как ответ тем, кто высказывал подобные советы. Гораций сохраняет драматическую форму, которую он разрабатывал на протяжении второй книги: читатель наблюдает, как поэт «консультируется» со знаменитым римским юристом Г. Требатием Тестой относительно своего дела.²⁵

Первое «Подражание Горацию» было написано во второй половине января 1733 года, когда Поупу приходилось все время проводить в своей комнате из-за простуды [Butt 1939, xiii]. Одним из навещавших его был виконт Болингброк: во время своего визита он взял том Горация, лежавший на столе Поупа, и, листая его, остановился на первой сатире второй книги. Он заметил, как хорошо эта сатира подходила бы в его (Поупа) случае, если бы он взялся написать подражание на английском. После ухода Болингброка Поуп перечитал сатиру, перевел за несколько дней и отправил в печать. Подражание было принято с восторгом. В письме своему другу Джону Кэриллу Поуп писал, что его стихотворение было встречено таким потоком благосклонности, что ему еще год не понадобятся комплименты [Letters 1960, 264]. Впрочем, Поуп продолжил высказываться о подражании с некоторым пренебрежением, называя его «a slight thing, the work of two days» (пустяковая вещица, дело двух дней) [Letters 1960, 265].

²⁵ Подробнее см.: [Page 1896, 429-430].

У Горация первая сатира является вступлением к последующим сатирам и оправданием, почему он прибегает к их написанию. Причина, по которой сатира подходит в случае Поупа, заключается в том, что поэт был встревожен реакцией на его «Послание к Берлингтону», опубликованное в декабре 1731 года (теперь известное как 4-ый *Моральный опыт*). В данном послании обсуждается образ жизни Тимона и его роскошная вилла. Тимон является воплощением безвкусицы в мире роскоши. Этого героя отождествили с герцогом Чендосом, так как он был известен тем, что вложил значительные средства в строительство огромного дома Кеннонс-хаус. К строительству были привлечены несколько архитекторов и художников. В Кеннонсе располагалась огромная капелла, где можно было поместить полный состав хора. Критика обрушились на Поупа еще и потому, что Чендос всегда гостеприимно принимал поэта в своем доме, а тот, якобы, оплатил ему за это такой неблагодарностью [Мирошкина 2000, 120]. Это послание спровоцировало сильнейший гнев в обществе. Хотя Поуп утверждал, что герцог не является прототипом Тимона, ему никто не верил. Шумиха заставила его беспокоиться о восприятии 3-его *Морального опыта*, над которым он уже работал. Стараясь дать достойный ответ критикам²⁶, Поуп создает свое «Подражание».

В целом, композиция горацевой сатиры сохранена: поэт жалуется на своих критиков, идет к адвокату за советом, далее следует большой монолог поэта (с редкими вкраплениями ответных реплик адвоката), затрагивающий вопросы творчества, и финал – торжество поэта. Сатира Поупа начинается так же, как и сатира Горация (*sunt quibus in satira nimis acer* – there are <...> to whom my satire seems too bold), однако уже в первой строке нам дана подсказка, относительно тона всего сочинения; Поуп делает «оговорку»: «I scarce can think, but am told» (я едва ли мог бы так подумать, но мне сказали). Далее он иронично упоминает в тексте, что «робкий по природе» (*timorous*) он отправляется к адвокату

²⁶ Также см.: [Bosker 1954; Hopkins 2012].

Фортескье,²⁷ чтобы получить бесплатный совет. Таким образом, Поуп расширяет экспозицию оригинала: эту вступительную часть (строки 1-8) можно рассматривать как обращение к адвокату (тогда строки 1-10 – это целиком реплика, обращенная к Фортескье), а можно представить, что Поуп говорит, как бы оглядываясь на читателя и подмигивая ему (строки 1-8), а затем переносит внимание на своего собеседника (строки 9-10). Заметим, что сложно отрицать наличие в тексте незримого «третьего лица» – Читателя, к которому обращены все отсылки к историческим деятелям и событиям.

Поуп пишет об известных его современникам лицах, поэтому, когда в его тексте встречается «мудрый Питер», его Читатель понимает, что речь идет о Питере Уолтере, лондонском капиталисте, которого Поуп показывает как пример крайне жадного человека, а «яростная Сапфо» – это известная светская дама леди Мэри Уортли Монтегю. В тексте встречаются десятки имен, прямо или иносказательно называющие конкретных людей, следовательно, поэт не исключает из своей сатиры личностные нападки. Отметим, что у Поупа в «подражаниях» присутствует два типа персональных отсылок [Tupper 1900, 188]: во-первых, аналогичные тем отсылкам, которые встречаются у Горация; во-вторых, добавленные самостоятельно. Помимо этого, у Поупа персонаж может быть отображен с противоположным характером (т.е. с характером, противоположным тому, который был заявлен у Горация в сатире). Например, когда Гораций говорит с восхищением о своем предшественнике Луцилии, который писал хвалебные песни могущественному Сципиону, Поуп в параллельном месте вместо того, чтобы следовать за Горацием, высмеивает поэтов, восхваляющих правителей и пресмыкающихся перед властью имущими. Таппер отмечает [Tupper 1900, 192], что тон Поупа гораздо более едкий и суровый и что, в отличие от римского поэта, ему недостает «любезной учтивости» (the gracious urbanity).

²⁷ В качестве литературного собеседника Поуп выбирает юриста лорда Уильяма Фортескье.

Сам поэт говорит, что будет честно выводить своих врагов и друзей, тем самым представит современное общество, его достоинства и недостатки на конкретных примерах. Кроме того, поэт заявляет, что и себя он будет правдиво изображать (*fair to expose myself*), что непосредственно отсылает читателя к Горацию, который стремился искренне и доверительно рассказать о себе²⁸. Римский поэт не стесняется упоминать и те жизненные обстоятельства, в которых он предстает не в самом лучшем виде (например, сатира I.5 – рассказ о путешествии в Брундизий, где сначала у него случилось несварение желудка, потом пришлось лечить больные глаза, и наконец, вышел конфуз из-за девушки). Ничего подобного у Поупа мы, конечно, не встретим, но формально он соблюдает условность – «вставляет» себя в текст: в первых строках «Подражания» Поуп переводит его начальные стихи (см. выше) – там изложена основная проблема: поэту трудно писать сатиры из-за критики. Когда поэт обращается к сатире Горация и более того, заявляет, что будет ей подражать, читатель может ожидать, что поэт станет придерживаться художественного принципа античного поэта: «*ridens dicere verum*» (Sat. I.1,24; смеясь, говорить правду). Интерес представляет тот факт, что Гораций постепенно приходит к данному принципу, путем размышлений и под влиянием накопленного жизненного опыта. Во времена Поупа за Горацием уже закреплён этот принцип, английский поэт отталкивается от уже готового, сформулированного постулата. Но нередко он использует более резкую обличительную сатиру, чтобы реализовать собственные задачи. Отсюда вытекают частые сравнения сатиры Поупа с ювеналовой сатирой.

В сатире II.1 и в подражании разрабатывается одна и та же тема: оправдание сатирической деятельности. Горацию было необходимо защититься от двух основных обвинений критиков:

²⁸ Традиционно считается, что родоначальником автобиографизма в сатире является Луцилий. Кроме того, у Луцилия в 5-ой книге сатир, возможно, было послание, в котором поэт даёт наставление другу. Иными словами, можно предположить, что по форме сатира и послание у него были схожи.

Sunt quibus in Saturis videar nimis acer, et ultra
legem tendere opus; sine nervis altera quidquid
conposui pars esse putat, similesque meorum
Mille die versus deduci posse. (II.1.1-4)

(Есть те, кому кажется, что я слишком дерзок в сатире и придерживаюсь занятия за пределами закона; другая часть полагает, что не имеет нервов [лишено внутренней силы], что бы я не сочинил, и что тысячу стихов, похожих на мои, за день можно сложить.)

Таким образом, Горация обвинили, во-первых, в том, что он слишком резок в сатире и поэтому нарушает закон²⁹, во-вторых, в том, что стихи слабые, т.е. необработанные. Отсюда можно сделать вывод, что во времена Горация от сатиры не ждали резких нападок и инвектив, а в тексте Горация увидели сатирические выпады, не соответствующие данным установкам.

Если сравнивать первую и вторую книги сатир Горация, то в первой можно увидеть большую свободу в высказывании недовольства окружающими. Так поэт высказывается относительно бездарных поэтов, например, Фанния (Sat. I,4), демонстрирует недостатки своего предшественника Луцилия (Sat. I,4; I.10). Помимо этого, можно предположить, что в типах, выведенных в первой книге (любители адюльтеров (Sat. I.2), надоедливые попутчики (Sat. I.9) и т.д.), узнавались реальные лица, и поэтому насмешка казалась обидной, за что Горация и порицали. Второе замечание, касательно слабых стихов, по-видимому, появилось из-за того, что Гораций старался подражать приемам разговорного языка. Очевидно, что поэт подвергал разговорную речь художественной обработке, а формат диалога позволял создать эффект, словно

²⁹ В данном случае можно понимать «закон» двояко: как юридический закон, прописанный в законодательных актах государства, или как закон жанра (в данном случае закон жанра сатиры). Первое толкование уместно в данном контексте, тем более, что поэт пошел к адвокату, специалисту по правовым вопросам. Кроме того, в финале сатиры (строки 80-84) речь вновь идет о законах, уже без сомнения в юридическом смысле, поэтому можно предположить, что Гораций сознательно ввел такое рамочное расположение отсылок к закону. С другой стороны, второе толкование тоже целесообразно, поскольку речь в целом идет о сатире. В таком случае можно сделать некоторые выводы о характере жанра сатиры во времена Горация. Также см.: [Lowrie 2005; Claus 1985].

мысли формулируются сиюминутно – за счет этого Гораций смог оживить повествование, сделать его более увлекательным для чтения и восприятия.

Поуп, как мы уже писали выше, выбрал данную сатиру для подражания из-за сходства жизненных обстоятельств поэтов. Оба поэта подверглись критике за свои стихи и оба выбрали поэтический способ дать ответ врагам. Александр Поуп перефразирует начало горацевой сатиры; в качестве пунктов обвинения избирает те же, что и у Горация:

P. There are (I scarce can think it, but am told)

There are to whom my Satire seems too bold:

Scarce to wise Peter³⁰ complaisant enough,

And something said of Chartres³¹ much too rough.

The Lines are weak, another's pleas'd to say,

Lord Fanny³² spins a thousand such a Day. (II.1.1-6)

(Поуп. Есть те (я едва ли мог бы так подумать, но мне сказали), есть те, кому моя Сатира кажется слишком дерзкой: недостаточно почтительной к мудрому Питеру, а кое-что, сказанное о Шартре, кажется слишком грубым. Стихи слабы, другой не прочь сказать, лорд Фанни нарядет тысячу таких за день.)

Александр Поуп, в отличие от Горация, не просто переписывает обвинения критиков, он снабжает их конкретными именами: так мы узнаем, по отношению к кому его стихи считали дерзкими (Питер Уолтер, Фрэнсис Шартр). Помимо этого, он издевается над лордом Херви (Фанни) и его поэтическими способностями. Таким образом, если у Горация эти строки абсолютно безличны

³⁰ Отсылка к «Моральному опыту» III,123-126 [Butt 1939, 4]:

Wise Peter sees the world's respect of gold?

And therefore hopes this nation may be sold.

Glorious ambition! Peter, swell thy store,

And be what Rome's great Didius was before.

Мудрый Питер видит повсеместное почитание золота?

И потому надеется продать эту нацию.

Прекрасное стремление! Питер, раздуй своё имущество

И стань таким, каким был прежде в Риме великий Дидий.

Здесь Поуп сравнивает Питера с Дидием, римским стяжателем денег, который на аукционе купил «императорство».

Под именем «мудрого Питера» Поуп выводит лондонского капиталиста Питера Уолтера, чрезвычайно богатого, но известного своей скупостью. Поэтому обвинение этого человека в каком-либо «стремлении, амбиции» (как Дидий купить «влияние») является неверным.

³¹ Фрэнсис Шартр был богатым человеком, но имел дурную репутацию в обществе.

³² Лорд Херви – политический деятель, доверенное лицо и советник королевы. Дружил с Поупом, по-видимому, до 1725 года; после произошел разрыв (возможно, из-за его романа с Мэри Монтегю). Поуп отождествил лорда Херви с Фанни (английский вариант латинского Fannius) – глупым критиком и врагом Горация. Также Поуп высмеивает женственность лорда Херви и придумывает для него женское занятие – прядение [Fairer 2014, 160].

и никого не задевают, то Поуп уже с первых строк вступает в противоборство со своими врагами. Важно также отметить, что истинную причину для написания данной сатиры Поуп назовет лишь в строках 42-45:

Ev'n those you touch not, hate you.

P. What should ail 'em?

F. A hundred smart in Timon³³ and in Balaam³⁴:

The fewer still you name, you wound the more;

Bond is but one, but Harpax³⁵ is a score³⁶. (42-46)

(Даже те, которых ты не трогаешь, ненавидят тебя. П. – А что их возмущает? Ф. - Сотня [толпа] недовольна Тимоном и Валаамом, чем меньше [людей] ты называешь, тем больше ранишь. Бонд один, а Гарпаксов – два десятка.)

Поуп лаконично (строки 44-45) называет героев *Моральных опытов* (IV, III), в которых увидели известных личностей и за это обрушились на поэта. Интересна следующая строка: Поуп, вероятно, имеет в виду, что он выводил тип (поэтому называет одно имя), а читатель пытался угадать за ним реальное лицо, а когда угадывал, высказывал негодование вместо того, чтобы обращать внимание на пороки этого «типичного представителя» и пытаться искоренить их в себе. Отсюда и вывод поэта, что если не называть реальных лиц, то обидишь большее количество людей, ведь если параллель с реальным лицом не достаточно ясная, то каждый «порочный человек» будет думать, что это написано про него, а потому испытывать еще больший гнев по отношению к автору обличительных стихов.

Поуп вслед за Горацием выбирает форму диалога: с одной стороны, можно сделать текст более увлекательным, введя в текст несколько персонажей, и, в связи с этим, уйти от чистого дидактизма; с другой стороны, в формате вопрос - ответ последовательно ответить на критические замечания недоброжелателей и

³³ Тимон (классическое имя) изображен в «Моральном опыте» IV.99 [Butt 1939, 8]. Здесь введен для подкрепления аргумента Поупа о том, что он не имел в виду герцога Чендоса.

³⁴ Валаам (библейский персонаж) изображен в «Моральном опыте» III.339-402 [Butt 1939, 8].

³⁵ Речь идет о Денисе Бонде, юристе, который был уличен в коррупции; Гарпакс – имя для вора (от греч. ἀρπάξω – «хватать, воровать»).

³⁶ Имеется в виду, что если называть конкретное имя, то обидится только один человек; если ввести обобщенное имя для целого типа людей, то многие могут узнать себя в нем.

обосновать свою позицию. Оба поэта в качестве собеседника выбирают адвоката. Гораций обращается к Требатию – известному юристу своего времени. Это ясно еще и потому, что Гораций не называет профессию своего друга – в этом нет необходимости, так как читатель сразу понимает, кто имеется в виду. Поуп же говорит, что пойдет к адвокату (council). Он обогащает оригинал, добавляет ироничные шутки о своей «робости» (ведь только поистине робкий человек способен высмеивать короля и правительство), а также о том, что совет должен быть бесплатным (хотя иронии в данном случае может и не быть):

Tim'rous by Nature, of the Rich in awe,
I come to Council³⁷ learned in the Law.
You'll give me, like a friend both sage and free,
Advice; and (as you use) without a Fee. (7-10)

(Робкий по натуре, испытывая страх перед Богатством, я пойду к адвокату, разбирающемуся в Законе. Ты дай мне, как друг и мудрый, и независимый, совет; и (как ты обычно делаешь) бесплатно.)

Далее каждый поэт просит совет у своего адвоката. Гораций получает следующий ответ:

Quid faciam? praescribe.' 'quiescas.' 'ne faciam, inquis,
omnino versus?' 'aio.' (5-6)

(Что же мне делать? Посоветуй. «Отдохни». Ты говоришь, чтобы я совсем не писал стихов? «Говорю».)

Поэт иронично замечает, что он не может последовать совету и отказаться от сочинительства, так как в таком случае он не сможет заснуть. Тогда Требатий, серьезно восприняв жалобы на бессонницу, дает житейские советы, как с ней справиться (плавание, вино), и за счет этого возникает комический эффект.

ter uncti
transnanto Tiberim, somno quibus est opus alto,
inriguumque mero sub noctem corpus habento. (7-9)

(Умощенные, трижды должны переплыть Тибр те, кому необходим крепкий сон, и иметь тело, увлажненное на ночь чистым вином.)

В этом же эпизоде у Поупа представлен похожий совет:

³⁷ В качестве своего литературного собеседника Поуп выбирает лорда Уильяма Фортескье. В письме к Фортескье он пишет о том, что Требатий «был одним из самых значительных юристов своего времени и добрым другом поэта [Горация]. Я рад, что тыходишь на него в обоих случаях, но второе мне более приятно» (цит. по: [Butt 1939, 4-5]).

F. I'd write no more. (11)

(Фортескье – Я бы больше не писал.)

Поуп тоже начинает жаловаться на бессонницу, с которой он борется, сочиняя стихи и выводя в них глупцов, с которыми пришлось столкнуться.

P. Not write? but then I think,

And for my soul I cannot sleep a wink.

I nod in company, I wake at night,

Fools rush into my head, and so I write. (12-15)

(П. – Не писать? Но в таком случае, я полагаю, и клянусь душой, я не смогу заснуть ни на мгновение. Я зеваю в компании, я бодрствую ночью, глупцы лезут мне в голову, и поэтому я пишу.)

Тогда английский юрист, вслед за своим античным прототипом, начинает давать серьезные (с его точки зрения) и одновременно смешные (с точки зрения читателя) советы.

Why, if the nights seem tedious — take a wife:

Or rather truly, if your point be rest,

Lettuce and cowslip wine³⁸: Probatum est.

But talk with Celsus³⁹, Celsus will advise

Hartshorn⁴⁰, or something that shall close your eyes (17-21)

(Что ж, если ночи кажутся скучными – женись: или лучше, в самом деле, если твоя цель – отдыхать, салат-латук и вино из примулы [первоцвета]: проверено. А поговори с Цельсом, Цельс посоветует олений рог или что-нибудь, что закроет твои глаза.)

Советы Фортескье более широкого спектра: женитьба, салат-латук и вино, а также современное медицинское средство, по-видимому, имевшее широкое распространение в Англии того времени.

После изложения вариантов – альтернативы сочинительству – адвокаты приступают к следующему важному пункту сатиры: если необходимо писать, то писать о правителе, чтобы иметь возможность получить вознаграждение. И здесь начинается принципиальное расхождение Горация и Поупа. Римский поэт скромно отвергает данное предложение, он считает, что не каждому дано

³⁸ Из письма Поупа к Кромвеллю: «Что же, сэръ, на будущее я буду топить все высокие мысли в Лете вина с примулой» (цит. по: [Butt 1939, 5]. Предположительно Поуп знал, что латук действует и как анафродициак, и как снотворное.

³⁹ Цельс – античный врач. Поуп имеет в виду врача Фортескье – Холлинса [Butt 1939, 6].

⁴⁰ Новое лекарство во времена Поупа; его эффективность как успокоительного препарата сомнительна, т.к. олений рог содержит аммиак, который является стимулирующим средством (напр., входит в состав нашатырного спирта) [Butt 1939, 6].

описывать подвиги Цезаря, у него для этого не хватит сил (с одной стороны, поэт скромничает, с другой, пытается себя обезопасить, страшась недовольства императора).

...cupidum, pater optime, vires
deficiunt; neque enim quivis horrentia pilis
agmina nec fracta pereuntes cuspidе Gallos
aut labentis equo describit volnera Parthi. (12-15)

(Славный отец, [меня] желающего силы оставляют. И ведь не каждый толпу, ошетилившуюся дротиками [т.е. римлян], и погибающих галлов со сломанным копьем или раны соскальзывающего с коня парфянина, сможет описать.)

Поуп же, реагируя на совет писать похвалу Цезарю, чтобы иметь возможность получить Рыцарство или Лавры, гневно отвечает так:

P. What? like Sir Richard, rumbling, rough, and fierce,
With Arms, and George, and Brunswick⁴¹, crowd the verse,
Rend with tremendous sound your ears asunder,
With Gun, drum, trumpet, blunderbuss, and thunder⁴²?
Or nobly wild, with Budgell's⁴³ fire and force,
Paint Angels trembling round his falling Horse? (24-29)

(П. – Что? Как сэр Ричард, грохочущий, грубый и свирепый с гербами, и Георгом, и Брауншвейгом, которые заполнили стихи, дробить ужасным звуком твои уши на части, с помощью ружья, барабана, трубы, мушкетона и грохота? Или благородно дико с огнем и силой Баджела рисовать ангелов, трепещущих вокруг его падающей лошади?)

Поуп высмеял в этом отрывке двух современных поэтов: Ричарда Блэкмора⁴⁴ (1654-1729), скверного сочинителя эпической поэзии. Отметим, что в параллельном месте у Горация, вероятно, подразумевается Вергилий –

⁴¹ Со смертью королевы Анны в 1714 году в Англии пресеклась династия Стюартов, на престол был приглашён брауншвейгский курфюрст Георг I. Это произошло потому, что согласно «Акту о престолонаследии» 1701 года английский престол мог занимать только протестант. Георг оказался ближайшим родственником, исповедующим протестантство.

⁴² Поуп отсылает к особенностям панегириков вигов, в которых воспевались военные заслуги в эпическом стиле [Fairey 2014, 163].

⁴³ Отсылка к нелепой поэме Баджела «Поэма о недавнем путешествии Его Величества в Кэмбридж и Ньюмаркет» 1728 года, в которой воспета судьба известного коня Георга II, подстреленного под ним в битве при Ауденарде (1708 г.) [Butt 1939, 6-7].

⁴⁴ Ричард Блэкмор являлся обладателем старой грохочущей (rumbling) кареты, которая являлась предметом насмешек. Его активно высмеивали современники как второсортного поэта и сочинителя посредственного эпоса. Р. Блэкмор был в первую очередь врачом, а уже потом литератором; он написал героическую поэму «Принц Артур» (Prince Arthur) в десяти книгах, повествующую о возвращении Артура в Британию и его деяния на пути к возвращению короны. В качестве образца Блэкмор взял «Энеиду» Вергилия и «Историю королей Британии» Гальфрида Монмутского [Butt 1939, 6].

талантливейший эпический поэт своего времени. Гораций его не называет, но в строках 12-15 (см. выше) подражая стилю героической поэмы и рисуя военную картину (которую он якобы не в силах описать) он должен был иметь в виду своего известного друга. Иными словами здесь мы видим еще одно противопоставление: талантливый эпический поэт древности (подразумевается у Горация) и английский бумагомаратель Блэкмор (прямо называется у Поупа). Свой гнев Поуп выражает с помощью аллитерационного ряда, он словно «рычит», говоря о плохом поэте: *Sir Richard, rumbling, rough, and fierce, / With Arms, and George, and Brunswick, crowd the verse...* Есть во фрагменте и второе противопоставление: если Гораций говорит о том, что не может воспеть достойные подвиги римлян, то Поуп не может воспеть заслуги и доблесть короля потому, что их нет. Так, в противоположность строке Горация о сваливающемся с коня парфянине (15), Поуп вставляет пародийное место, упоминание о свалившемся с коня Георге II; этот эпизод был описан в нелепой поэме «О недавнем путешествии Его Величества...» Ю. Баджела, которого в данном случае и высмеивает Поуп.

Вслед за этим следует предложение Фортестье писать о Каролине или Амелии (жене и дочери короля) или прочих королевских особах.

F. Then all your Muse's softer art display,
 Let Carolina⁴⁵ smooth the tuneful lay⁴⁶,
 Lull with Amelia's⁴⁷ liquid name the nine⁴⁸,
 And sweetly flow through all the Royal Line⁴⁹.
 P. Alas! few verses touch their nicer ear;
 They scarce can bear their Laureate⁵⁰ twice a year⁵¹: (30-37)

⁴⁵ Королева Каролина, которой Поуп не доверял, т.к. она поддерживала Роберта Уолпола. Активно участвовала в политике [Butt 1939, 7].

⁴⁶ Короткая песенка, вид баллады

⁴⁷ Принцесса Амелия (1711-1786), дочь Георга II и Каролины.

⁴⁸ 9 муз.

⁴⁹ У Георга и Каролины было 8 детей.

⁵⁰ Колли Сиббер, поэт-лауреат. Поуп высмеял его в своей сатирической поэме «Дунсиада».

⁵¹ Поэт-лауреат обязательно должен был сочинить два произведения: на Новый год и день рождения короля [Butt 1939, 7].

(Ф. – Тогда продемонстрируй всё более тонкое искусство твоей музы, позволь Каролине сгладить гармоничную песенку, убаюкай «девятку» [муз] плавным именем Амелии, и плавно струись через весь королевский ряд [т.е. королевскую семью]. П. – Увы! Лишь немногие стихи трогают их более утонченное ухо; они с трудом могут вынести своего Лауреата дважды в год...)

Поуп с иронией указывает на то, что их более утонченные уши (видимо, более утонченные, по сравнению с королем – у Горация упоминаются внимательные уши Цезаря, до которых при случае могут дойти его стихи (18-19)) едва способны выдержать поэзию своего придворного поэта. Так Поуп показывает неблагоприятное отношение к поэзии при дворе⁵².

Следующий фрагмент дает представление о причинах, вызвавших критику поэтов. Требатий, продолжая мысль о пользе восхваления императора, говорит так:

‘quanto rectius hoc quam tristi laedere versu
Pantolabum scurram Nomentanumque nepotem,
cum sibi quisque timet, quamquam est intactus, et odit’.

(«Насколько это правильнее, чем бранить печальным стихом льстеца Пантолаба и номентанского племянника, когда всякий боится за себя, хотя не затронут, и ненавидит».)

Совет юриста таков: лучше хвалить императора, чем выводить типы людей (льстеца, охотника за наследством и пр.), в которых каждый боится узнать себя и потому ненавидит поэта. В подражании Фортескье говорит, что лучше быть придворным поэтом (Колли Сиббером) и вынужденно хвалить короля, чем высмеивать недостатки знатных людей.

F. Better be Cibber,⁵³ I'll maintain it still,
Than ridicule all Taste⁵⁴, blaspheme Quadrille⁵⁵,
Abuse the City's best good men in metre⁵⁶,
And laugh at Peers that put their trust in Peter⁵⁷.
Ev'n those you touch not, hate you. (38-42)

⁵² Король Георг II был известен своей неприязнью к поэзии и часто становился объектом сарказма Поупа. (См. «Письмо к Арбетноту», 222; «Подражания Горацию»: Послание II.1,404) [Butt 1939, 7].

⁵³ Колли Сиббер, поэт-лауреат. От него требовалось восхвалять правителя.

⁵⁴ Поуп высмеивает современные вкусы в 4-ом «Моральном опыте» [Butt 1939, 7].

⁵⁵ Кадриль – популярная карточная игра. Отсылка к «Моральным опытам» III,76 [Butt 1939, 7].

⁵⁶ Отсылка к «Моральным опытам», из-за которых Поуп подвергся критике.

⁵⁷ См. примечание к строке 3.

(Ф.- Лучше быть Сиббером, я все равно считаю, чем высмеивать весь вкус и поносить кадрили, оскорблять в стихах лучших мужей города и смеяться над пэрами, которые оказали доверие Питеру. Даже те, которых ты не трогаешь, ненавидят тебя.)

Фортескье объясняет ненависть так же, как и его античный коллега: каждый небезупречный в нравственном отношении человек видит в выдуманных поэтом героях себя, а потому принимает высмеивание пороков на свой счет, принимает поэтическую насмешку за издевательство над собой.

Далее Гораций и параллельно с ним Поуп заявляют своим адвокатам, что у каждого есть своя склонность, которой человек придерживается несмотря ни на что, и приводят примеры.

'quid faciam? saltat Milonius, ut semel icto
accessit fervor capiti numerusque lucernis;
Castor gaudet equis, ovo prognatus eodem
pugnis; quot capitum vivunt, totidem studiorum
milia: (24-28)

(Что же мне делать? Танцует Милоний, как только к ударенной [затуманенной] голове подступило опьянение и число к светильникам [т.е. в глазах двоится]. Кастор радуется коням, рожденный из того же яйца [т.е. его брат] - кулачным боям; сколько голов [людей] живет, столько тысяч занятий.)

Поуп выбирает похожие примеры своих современников: Милоний – ридотта (любительница светских развлечений), Кастор и Поллукс – Фокс и его брат; также английский поэт обогащает текст, добавляя еще несколько известных имен.

P. Each mortal has his pleasure: none deny
Scarsdale⁵⁸ his bottle, Darty⁵⁹ his Ham-pye;
Ridotta⁶⁰ sips and dances, till she see
The doubling Lustres dance as fast as she;
Fox⁶¹ loves the Senate, Hockley-hole⁶² his brother,

⁵⁸ Николас Леке, 4-ый граф Скарсдейл; любитель выпивки [Butt 1939, 8].

⁵⁹ Чарльз Даргиньоф, бонвиван, любитель вкусно поесть, в частности обожал острый пирог с ветчиной. Принято считать, что он был незаконнорожденным сыном Карла II. Дружил со Свифтом [Butt 1939, 8].

⁶⁰ Прозвище светской женщины, соответствующее современному слову «тусовщица». От итальянского слова *ridotto* – вечернее развлечение с музыкой и танцами (иногда с карточными играми); появилось в Англии в 20-е годы 18 века [Butt 1939, 9].

⁶¹ Стивен Фокс. Его младший брат Генри (не входил в Парламент до 1735 года, (Парламент = Сенат)), по-видимому, не был любителем Хокли-хола, однако слухи приписывали ему данное, свойственное молодым, увлечение [Butt 1939, 9].

⁶² Место в центре Лондона, где проводилась травля медведей, собачьи бои и рестлинг [Butt 1939, 9].

Like in all else, as one egg to another. (47-52)

(П. – Каждый смертный имеет свою склонность: ничуть не отвергает Скарсдейл свою бутылку, Дарти свой пирог с ветчиной; ридотта выпивает и танцует до тех пор, пока она не увидит, что раздвоившиеся люстры танцуют так же быстро, как она. Фокс любит Сенат, Хокли-хоул его брат, [а] во всем остальном похожи как одно яйцо похоже на другое.)

Гораций говорит отстраненно, выбирает мифологических персонажей (относительно личности Милония точных сведений нет); Александр Поуп насыщает текст именами известных личностей, чтобы заинтересовать своего читателя, продемонстрировать остроумие и наблюдательность при выборе современных примеров тех или иных пристрастий.

Интерес представляет сравнение следующего фрагмента текста: Гораций утверждает, что его пристрастие – сочинительство, в качестве примера для подражания называет своего великого предшественника Луцилия.

... me pedibus delectat claudere verba

Lucili ritu, nostrum melioris utroque.

ille velut fidis arcana sodalibus olim

credebat libris; neque si male cesserat, usquam

decurrens alio neque, si bene: quo fit ut omnis

votiva pateat veluti descripta tabella

vita senis. sequor hunc... (28-34)

(Меня забавляет заключать слова в стопы по обычаю Луцилия, лучшего, чем каждый из нас. Он, словно верным друзьям, некогда вверял тайны книгам; и, если дела шли плохо, к другому не прибегая, и если хорошо; так выходит, что вся жизнь старика открыта, словно написана на вотивной табличке. Я следую за ним...)

Хотя в первой книге сатир Гораций позволяет себе критику Луцилия, обычно он хвалит своего предшественника. Он признает за ним верность сочинительству и отсутствие лицемерия в поэзии – древний сатирик что видел, то и описал открыто.

Александр Поуп в качестве ориентиров выбирает политического деятеля Шиппена и философа Монтеня.

I love to pour out all myself, as plain

As downright Shippen⁶³, or as old Montagne⁶⁴.

⁶³ Уильям Шиппен (1673-1743), прямолинейный политик, якобит (приверженец изгнанного в результате «Славной революции» (1688 г.) короля Якова II и его потомков, сторонник восстановления на престоле дома Стюартов.), в 1718 году был отправлен в Тауэр. Был ярким противником Роберта Уолпола.

In them, as certain to be lov'd as seen,
 The Soul stood forth, not kept a thought within;
 In me, what spots (for spots I have) appear,
 Will prove at least the Medium must be clear⁶⁵. (53-58)

(Я люблю изливать всего себя так же открыто, как честный Шиппен или как старый Монтень. В них (когда [душа] видна, ее следует любить) душа стояла открыто и не сдерживала мысль внутри. У меня те промахи (т.к. у меня они есть) что присутствуют, докажут, что как минимум середина должна быть чистой [т.е. содержание должно быть ясно видно].)

Любопытно, что Поуп не называет какого-нибудь сатирика, на которого он равнялся и чьей честностью и прямолинейностью восхищался (очевидно, что его идеалом является Гораций). Относительно себя поэт утверждает ниже, что намеревается «Fair to expose myself, my foes, my friends/Publish the present age» (60-61) (честно показывать себя, моих врагов, моих друзей /Представлять современный век). У Поупа, на наш взгляд, яснее выражена мысль о необходимости выражать свои мысли открыто, не кривить душой – в этом он видит свое предназначение. Содержание (Medium) должно быть ясным (clear), тогда огрехи внешние можно простить.

Гораций верит в то, что содержание (середина) должно быть защищено (т.е. тоже быть чистым), но он полагает, что для этого необходимо отделять внешнюю сторону стихов. Для иллюстрации своей мысли он вводит метафору: земледельцы обрабатывают земли на границах государства, чтобы враг не пришел незамеченным по пустой земле – сатирик делает форму стиха безупречной, чтобы критики не могли придраться к содержанию (середине).

nam Venusinus arat finem sub utrumque colonus,
 missus ad hoc pulsus (vetus est ut fama) Sabellis,
 quo ne per vacuum Romano incurreret hostis,
 sive quod Appula gens seu quod Lucania bellum
 incuteret violenta. (35-39)

⁶⁴ Мишель де Монтень (1533-1592); его философские сочинения были снабжены автобиографическими деталями и анекдотами о себе.

⁶⁵ Батт в комментарии приводит цитату Поупа: «Лучший способ доказать чистоту нашего ума состоит в том, чтобы показать наши ошибки; как когда течение показывает грязь на дне, это убеждает нас в прозрачности и чистоте воды» (цит. по: [Butt 1939, 9]).

(Ведь везувийский земледелец возделывает [землю] близ каждой границы, принужденный к этому, когда сабиняне были отброшены (как гласит старая молва), чтобы не напал враг на римлянина по пустым местам или чтобы стремительный апулийский или луканский народ какую-либо войну не начал.)

Гораций вводит метонимию и называет свою сатиру «стилосом» (палочка для письма), а затем сравнивает с мечом в ножнах, который он использует, только подвергаясь опасности. Он уточняет, что не испытывает желания пускать в ход сатиру, но на личное оскорбление он ответит так, что его обидчик пожалеет о содеянном:

...sed hic stilus haud petet ultro
quemquam animantem; et me veluti custodiet ensis
vagina tectus: quem cur destringere coner
tutus ab infestis latronibus? o pater et rex
Iuppiter, ut pereat positum robigine telum
nec quisquam noceat cupido mihi pacis! at ille,
qui me conmorit—melius non tangere, clamo—
flebit et insignis tota cantabitur urbe. (39-46)

(Но этот стилос по собственной воле не коснется какой-либо живой души; и меня будет охранять словно меч, спрятанный в ножны: зачем я стану обнажать его, защищенный от враждебных разбойников? О, отец и царь Юпитер, пусть погибнет отложенное оружие благодаря ржавчине, и никто не вредит мне, желающему мира! Но тот, кто меня затронет – я заявляю, что лучше не трогать – будет плакать и во всем городе заметный будет выводиться в песне.)

Александр Поуп сразу называет сатиру – своим оружием, а далее раскрывает похожую идею: поэт прибегает к сатире, только когда это необходимо для личной защиты, но помимо этого вводит важное уточнение – он пишет сатиры, направленные против обманщиков, воров и т.д. (таким образом, вводит возможность социальной и политической сатиры).

Satire's my weapon, but I'm too discreet
To run a muck, and tilt at all I meet⁶⁶;
I only wear it in a land of Hector's⁶⁷,
Thieves, Supercargoes⁶⁸, Sharpers, and Directors⁶⁹.

⁶⁶ Возможно, здесь содержится аллюзия на практику малайцев, которые являются заядлыми картежниками: когда они проигрывают все состояние, они накачиваются опиумом, доводят себя до иступления, выбегают на улицу и бросаются и уничтожают все, что попадает на пути [Fairer 2014, 169].

⁶⁷ Обидчики [Fairer 2014, 169].

⁶⁸ Представитель грузовладельца на судне. Судя по их упоминанию Филдингом, суперкарго вошли стали ассоциироваться с толстосумами благодаря своему богатству [Butt 1939, 11].

⁶⁹ Начальники в Компании южных морей [Butt 1939, 11].

Save but our Army!⁷⁰ and let Jove incrust
 Swords, pikes, and guns, with everlasting rust!
 Peace is my dear delight — not Fleury's⁷¹ more:
 But touch me, and no Minister so sore.
 Whoe'er offends, at some unlucky time
 Slides into verse, and hitches in a rhyme,
 Sacred to ridicule! his whole life long,
 And the sad burthen of some merry song. (71-82)

(Сатира – мое оружие, но я слишком скромный, чтобы становиться неуправляемым и обрушиваться на все, что мне попадается, я надеваю его только в земле Гекторов, Воров, Суперкарго, Жуликов и Начальников. Спаси нашу армию! И позволь Юпитеру покрыть мечи, копья и пистолеты вечной ржавчиной. Мир – мое приятное удовольствие, [он] больше не Флери: но тронь меня, и не будет другого столь страдающего министра. Кто бы ни оскорблял, в один несчастный момент он скользнет в стих, споткнется о рифму, освященный для осмеяния в течение всей жизни, и печального бремени какой-нибудь веселой песенки.)

У Поупа вновь проявляются более острые выпады против своих врагов. Если Гораций говорит безлично и угрожает своим недоброжелателям в самом широком смысле, то Поуп предельно конкретен: в 78 строке он совершенно явно намекает на премьер-министра Р. Уолпола.

Далее у обоих поэтов вновь появляется список персоналий – иллюстрация тезиса о том, что каждый нападает так, как может, но на этот раз каждый сатирик выбирает известных личностей. У Горация: Кервий – сутяжник, Канидия – отравительница, Турий – коррумпированный судья (47-49). У Поупа: Делия – отравительница, Пейдж – суровый судья, Сапфо – заражает сифилисом/оспой и пишет пасквилы (83-86). Два первых примера соответствовали примерам Горация (отравительница и судья), но последний вновь демонстрирует стремление Поупа вставить личностные нападки: в данном случае злая шутка направлена против его бывшего друга – леди Мэри Уортли Монтегю, которая переболела оспой, а позже способствовала распространению вакцинации против этой болезни. Вероятно, Поупа сильно задела ее недоброжелательная реакция на его ухаживания, и он не смог удержаться и не упомянуть её.

⁷⁰ Поуп (как и другие оппозиционеры) испытывал враждебность к Регулярной армии [Fairer 2014, 170].

⁷¹ Кардинал Флэри (1653-1743) поддерживал с Уолполом обязательство о сохранении мира [Fairer 2014, 170].

Далее Поуп пишет о том, что какая бы судьба его не ждала (в данном деле и в целом), он продолжит писать. Александр Поуп осознает, что это главное дело его жизни, и он не может от него отказаться.

*P. What? arm'd for Virtue when I point the pen,
Brand the bold front of shameless, guilty men,
Dash the proud Gamester⁷² in his gilded car,
Bare the mean heart that lurks beneath a Star⁷³;
Can there be wanting, to defend Her cause,
Lights of the Church, or Guardians of the Laws? (107-112)*

(П. – Так что? Вооружен ради добродетели, когда я направляю мое перо, клеймить дерзкие лица бесстыжих виновников; бросать гордого игрока в его золоченую повозку; обнажать подлое сердце, что скрывается под звездой; может здесь быть желание защитить ее [добродетели] дело [в суде], огни церкви и стражей законов?)

Поводом для написания сатир, по мнению поэта, является защита добродетели, религии, закона. Это оригинальная мысль принадлежит английскому поэту, и она проясняет его отношение к жанру сатиры и её назначению.

Далее Поуп параллельно с Горацием рассуждает том, как можно писать сатиру и при этом не впадать в немилость.

*... 'quid? cum est Lucilius ausus
primus in hunc operis componere carmina morem
detrahere et pellem, nitidus qua quisque per ora
cederet, introrsum turpis; num Laelius aut qui
duxit ab oppressa meritum Karthagine nomen
ingenio offensi? aut laeso doluere Metello
famosisque Lupo cooperto versibus? atqui
primores populi arripuit, populumque tributim;
scilicet uni aequus virtuti atque eius amicis. (62-70)*

(Что? Когда Луцилий первым осмелился сочинять стихи в таком роде сочинений и снять шкуру [т.е. разоблачить], блестя которой всякий на словах [внешне] ходил, безобразный внутри; разве Лелий или тот, кто получил заслуженное имя благодаря побежденному Карфагену, обижались на дарования [Луцилия]? Или страдали, когда Метелл был оскорблен и Луп был засыпан [скандално] известными стихами? А ведь он напал на первых [знатных] лиц народа и на народ по трибам [незнатных]; И, разумеется, [был] расположен к одной добродетели и её друзьям.)

⁷² Вероятно, о Шартре [Butt 1939, 15]. См. комментарий к строке 4.

⁷³ Звезда – эмблема ордена Подвязки, которую Уолпол носил напоказ [Fairer 2014, 171].

Иными словами, сатирик Луцилий не потерял покровительство первых людей государства, Сципиона и Лелия, вскрывая современные ему пороки. Гораций верит, что и для него возможен такой исход.

Поуп в качестве своих примеров приводит Буало и Драйдена: оба зависели от королевского двора, но оба писали сатиры. А потом и вовсе саркастично заявляет, что уж если они могли в такой ситуации писать, то он, лишенный места при дворе и королевского обеспечения, может и подавно, так как ему нечего терять (113-118).

Гораций пишет осторожно (ведь он еще не многого добился на литературном поприще) и за примерами великих личностей прячет аллюзию на себя и свои отношения с покровителями (Меценат, Август). Римский сатирик заявляет, что идет по стопам Луцилия не только как продолжатель в жанре сатиры, но и как друг великих людей (Сципиона и Лелия) (71-76). Поуп в параллель выбирает своих distinguished друзей: виконта Болингброка и графа Петерборо (остроумна параллель Сципион – Петерборо, ибо каждый в свое время покорил Испанию; каждый поэт не называет друга прямо, но по описанию заслуг читатель догадывается, о ком идет речь).

В последнем фрагменте следует формальное завершение диалога и разрешение вопроса. Гораций скромно утверждает, что, хотя он уступает Луцилию, однако (как и Луцилий) он дружен с великими людьми, а значит, если попытаются задеть его, то могут обидеть и его знатных покровителей и таким образом навредить себе.

...quidquid sum ego, quamvis
 infra Lucili censum ingeniumque, tamen me
 cum magnis vixisse invita fatebitur usque
 invidia, et fragili quaerens inlidere dentem
 offendet solido—nisi quid tu, docte Trebati,
 dissentis.' 'equidem nihil hinc diffindere possum.

(Чем бы я ни был, хотя ниже Луцилия по положению и таланту, однако [даже] нежелающая зависть признает, что я жил с великими постоянно, и, желая вонзить зуб в хрупкое, натолкнется на твердое – Разве что, ученый Требатий, ты в чем-то не согласен. «Право, ничто здесь ни за что не могу зацепиться [т.е. согласен].)

Требатий предостерегает Горация, чтобы тот случайно не нарушил закон, ведь его сатиры могут признать наговором (*mala carmina*) на «честных людей» и в таком случае призвать к юридической ответственности.

sed tamen ut monitus caveas, ne forte negoti
incutiat tibi quid sanctarum inscitia legum.
«si mala condiderit in quem quis carmina, ius est
iudiciumque.» ... (80-84)

(Однако нужно, чтобы ты предупрежденный остерегался, как бы случайно незнание священных законов не причинило тебе какую-нибудь трудность. «Если кто-то наложил против кого-либо наговор, есть закон и приговор [суд]».)

Гораций дает ироничный ответ, в котором обыгрывает слово «*mala*» (*mala carmina* – «злые стихи» (наговор) и «скверно написанные (слабые) стихи») [Page 1896, 434].

... 'esto, si quis mala; sed bona si quis
iudice condiderit laudatus Caesare? si quis
opprobriis dignum lataverit, integer ipse?' (83-85)

(Пусть так, если кто-то сочинил плохие [слабые]; но если кто-то хорошие сочинил, при одобрении судьи Цезаря? Если кто достойного брани облает, сам [останется] нетронут?)

Другими словами, чтобы иметь возможность писать (по Горацию), стихи должны: быть хорошими (отделанными), не вызывать гнев Цезаря, изображать людей, достойных порицания. Эти характеристики присущи всем сатирам римского поэта, отсюда и жанровое уточнение – «умеренная сатира».

Теперь посмотрим, как с этим местом справился Поуп. Разумеется, ни о какой скромности и речи быть не может, поэт подробно расписывает, какой он великодушный и добродетельный, этим сильно увеличивая объем оригинального текста.

Envy must own, I live among the Great,
No Pimp of pleasure, and no Spy of state,
With eyes that pry not, tongue that ne'er repeats,
Fond to spread friendships, but to cover heats,
To help who want, to forward who excel;
This, all who know me, know; who love me, tell;
And who unknown defame me, let them be

Scriblers or Peers, alike are Mob⁷⁴ to me.

This is my plea, on this I rest my cause —

What saith my Council learned in the laws? (135-144)

(Зависть должна признать, я живу среди великих, ни стяжатель удовольствий, ни шпион государства, с глазами, что не любопытствуют, языком, который никогда не повторяет, любящий распространять дружбу, но ограждать гнев; помогать тем, кто желает, продвигать вперед тех, кто выделяется; это, все кто меня знают, знают; кто меня любят, говорят; а те, кто анонимно очерняют меня, пусть будут писаками или пэрами, точно так же мне и толпа [безразлична]. Вот мое заявление, на этом я оставляю мое дело - что скажет мой адвокат, разбирающийся в законах?)

Когда за этим подробным разъяснением, что поэту безразлична клевета и пасквили его врагов (читателю, конечно, очевидно, что 159 строк сатиры искрят безразличием), он получает совет Фортеस्कье:

F. Your Plea is good; but still, I say, beware!

Laws are explain'd by Men — so have a care.

It stands on record, that in Richard's times

A man was hang'd for very honest rhymes.

Consult the Statute: quart. I think it is,

Edwardi sext. or prim. & quint. Eliz.

See Libels, Satires — here you have it — read. (145-151)

(Ф. – Твое заявление славно; но все же я скажу поостеречься! Законы трактуются людьми – так что будь внимателен. Есть записи, что во времена Ричарда людей вешали за очень честные рифмы. Сверься с законом: я думаю, это «четвертый», «шестой» Эдуарда или «первый» и «пятый» Елизаветы. Смотри пасквили, сатиры – вот здесь у тебя – читай.)

И в оригинале и в подражании говорится о законах против сочинения пасквилей (на современном языке – законы против оскорбления личности); Поуп в очередной раз более конкретен, чем Гораций, каждую идею римского поэта, которую он заимствует, он снабжает множеством фактов и отсылок к английской действительности. С помощью этих приемов он добивается того, что сатира ощущается «своей, английской» с легким флёром античности.

В завершении Поуп, как и Гораций, шуткой заканчивает «беседу».

P. Libels and Satires! lawless things indeed!

But grave Epistles, bringing vice to light,

Such as a King might read, a Bishop write,

Such as Sir Robert⁷⁵ would approve —

⁷⁴ Mob – сокращение для выражения mobile vulgus (подвижная толпа, сборище) [Butt 1939, 18].

⁷⁵ Роберт Уолпол.

F. Indeed?

The Case is alter'd — you may then proceed;

In such a cause the Plaintiff will be hiss'd,

My Lords the Judges laugh, and you're dismiss'd. (152-159)

(П. – Пасквилы и сатиры! В самом деле, незаконные вещи! Но высеки послания, выводя на свет порок, такие, которые король сможет прочесть, епископ – написать; такие, которые сэръ Роберт бы одобрил. Ф. – В самом деле? Другое дело – ты можешь тогда продолжить; в таком процессе все будут шикать на истца; господа судьи смеются, а ты освобожден.)

Поуп приходит к такому выводу: если свое сочинение назвать «Посланием», высмеять в нем порок и при этом угодить правителю (здесь показывается реальное положение власти: король лишь номинальный, главный человек в государстве – Роберт Уолпол; важно, чтобы он одобрил сочинения), тогда можно вполне успешно продолжать сочинять. Конец подражания, хотя и содержит юмор, должен был вызвать в мыслях читателя горькое осознание современной действительности: время, когда от названия зависит, будет ли издано произведение; один человек может контролировать и экономические вопросы, и литературные, и все прочие.

Интерес представляет сравнение последних строк оригинала и подражания, т.к. относительно содержания текста Горация ученые спорят.

'solventur risu tabulae, tu missus abibis.' (86)

(«Таблички освободятся благодаря смеху, а ты отпущенный уйдешь».)

По мнению Т. Пейджа [Page 1896, 434], «tabulae» – иносказательное обозначение обвинения (обвинительного акта, который записывался на табличках – *tabulae seratae*); тогда перевод такой: «Обвинения снимут благодаря смеху, ...». Помимо этого, слово «tabulae» могло означать законы (возможно, Законы 12 таблиц, о которых в сатире говорилось ранее) [Page, *ibid.*]; перевод: «Законы будут соблюдены благодаря смеху, ...». Возможен другой вариант интерпретации, при котором имеются в виду таблички со стихами, тогда таблички со стихами приравниваются к поэту; перевод: «Таблички [со стихами, т.е. сатирик] освободятся благодаря смеху, ...».

Поуп выбирает следующее решение:

My Lords the Judges laugh, and you're dismiss'd. (159)

(Господа судьи смеются, а ты [сатирик] освобожден.)

Глава 4. Сопоставительный анализ. Сатира II.2 и Подражание (парафраз) сатире II.2

Летом 1734 года, через год после публикации первого подражания, Александр Поуп переиздает подражание сатире II.1 и добавляет парафраз сатиры II.2. Поэт понимал, что ему будет непросто повторить успех первого подражания. Согласно мнению Ф. Стэка [Stack 1985, 60], данная сатира представляет собой моральную диатрибу. Вслед за Горацием Поуп стремится рассказать о прелестях умеренного образа жизни.

Сатира Горация, предположительно, была написана около 33 года до н.э. [Page 1896, 435]. Основная мысль сатиры заключается в следующем: необходимо довольствоваться тем, что у тебя есть. Важность этого жизненного принципа Гораций раскрывает, вводя персонажа Офелла, земледельца. Офелл обладает независимым мировоззрением (природным пониманием вещей), и Горацию его самостоятельно осмысленное естественное восприятие жизни близко. Некоторые ученые приписывают важную роль этому персонажу, а именно считают, что он позволяет увидеть недостатки двух философских систем⁷⁶ (эпикуреизма и стоицизма) как две крайности, в которые нельзя впадать [Stack 1985, 60]. Необходимо поступать как Офелл, то есть балансировать между стремлением к излишествам и скупостью.

Возможно, Офелл (или его прототип) был соседом Горация в Венузии. Судя по тексту сатиры, у него забрали земли и передали ветерану Октавиана по

⁷⁶ «Гекзаметрическая сатира имеет, как правило, стоическую окраску как следствие тесной связи этой литературной формы с кинико-стоической популярной философией, получившей в Риме широкое распространение. Стоицизм восхваляет простую скромную жизнь и безразличие к внешним благам, идеалы, усвоенные стоиками от киников. <...>. Стоицизм <...> привлекал поэтов-сатириков главным образом тем, что проповедь идеала велась на фоне бескомпромиссного порицания человеческих пороков, призыв к добродетели сочетался с требованием учитывать индивидуальные особенности каждого человека и трудиться на общее благо, что согласовывалось с представлением о традиционных ценностях и добродетелях римского гражданина» [Дуров 1987, 11-12].
Эпикуреизм в данном случае понимается как стремление к наслаждениям, поэтому порицается.

имени Умбрен. Согласно Аппиану (Bell.Civ.4.3), земли в этой местности раздавали солдатам в качестве вознаграждения после битвы при Филиппах (42 г. до н.э.) [Page 1896, 435].

Отметим, что свое сочинение Александр Поуп назвал не подражанием, а парафразом⁷⁷ сатиры Горация. Поэтому многие фрагменты представляют собой довольно близкий перевод оригинала. Но Поуп вместе с тем изменяет структуру текста. Сатиру Горация можно условно разделить на три части: 1) высмеивание экстравагантного вкуса эпикурейцев; 2) раскрытие основной темы: положительные аспекты умеренной жизни в разных проявлениях (здоровье, старость, гостеприимство, слава, самоуважение, общественный долг, готовность испытать превратности судьбы); 3) речь самого Оффелла, в которой он рассказывает о своих жизненных обстоятельствах и их восприятии [Stack 1985, 61]. Поуп в своей сатире больше акцентирует внимание на двух последних частях, и даже в большей степени на последней. В третьей части Поуп выводит не своего друга (как у Горация), а себя, описывает свою жизнь в поместье Твикэнхем. Таким образом, повествование становится очень личным.

Однако вернемся к первой части парафраза. Первые строки сатиры Поупа почти дословно повторяют мысль Горация.

Quae virtus et quanta, boni, sit vivere parvo...(1)

(Какая доблесть и сколь великая, господа, довольствоваться [букв. жить] малым.)

У Поупа это выглядит так:

What and how great, the virtue and the art

To live on little with a cheerful heart...(1-2)

(Какая и сколь великая добродетель и искусство довольствоваться малым с радостью в душе.)

⁷⁷ Гл. перефразировать - передать содержание письменной или устной речи, используя другие слова, преимущественно, чтобы достичь большей ясности.
сущ. парафраз - письменный или устный фрагмент, сформулированный иными словами [OED s.v. paraphrase].

Поуп в тексте Горация оставляет обособленным слово *boni*; в этом случае, необходимо понимать его как обращение в Voc.pl. («благородные мужи», «господа»).

Далее Гораций рассказывает, что эта незатейливая мысль не его, она принадлежит деревенскому жителю Офеллу, который не учён и не является представителем никакой философской школы, однако обладает природной мудростью (2-3). Александр Поуп в параллельном месте лишь указывает на то, что идея ему не принадлежит (3), а имя героя ненадолго утаивает. Далее оба поэта указывают на необходимость заниматься философией натошак, для концентрации на предмете разговора, а не на еде.

discite non inter lances mensasque nitentis
cum stupet insanis acies fulgoribus et cum
adclinis falsis animus meliora recusat,
verum hic inpransi mecum disquirite... (4-7)

(Учитесь не среди блюд и столов [яств] роскошных, когда пронизательность останавливается из-за чрезмерного сияния и когда душа, склонная к заблуждениям, отвергает лучшее; здесь со мной исследуйте истину голодными...)

Иными словами, необходимо, чтобы не отвлекал блеск тарелок, и разум не отвергал правильное, подчинившись ложному.

Александр Поуп также ратует за то, что разговоры на философские темы нужно совершать натошак.

Let's talk, my friends, but talk before we dine:
Not when a gilt Buffet's reflected pride
Turns you from sound Philosophy aside;
Not when from Plate to Plate your eyeballs roll,
And the brain dances to the mantling bowl. (4-8)

(Давайте побеседуем, мои друзья, но побеседуем до обеда: не тогда, когда отраженное в золоте великолепие закусок отклоняет вас от звука философии; не тогда, когда ваши глаза перемещаются от тарелки к тарелке, а разум пляшет от сверкающей чаши.)

Затем Поуп называет своего Офелла – это его друг Хью Бетел⁷⁸, и далее идет почти буквальный перевод 3-ей строки Горация: хотя не сведущ в ученьях,

⁷⁸ Подробнее см.: [Butt 1939, 344-345].

однако мудр по природе.

Далее Гораций иронично говорит о том, что после активного досуга (охота на зайцев, скачки, игра в мяч, бросание диска) уставший человек вряд ли откажется от скромной пищи (10-13). Интересно, что Гораций вставляет стих, содержащий критику изнеженного образа жизни римлян, которые вместо достойных мужских занятий играют в мяч и бросают диск. Поуп только перечисляет занятия (работа, охота, упражнения), устав от которых, по его ироничному замечанию, сложно отказаться от простой еды (11-12).

Запертое вино (у Горация фалернское вино не смешанное с медом), отсутствие ключника, шторм, не позволяющий ловить рыбу – эти обстоятельства заставят любого гурмана оценить простую доступную пищу: у Горация – хлеб с солью, у Поупа – хлеб с молоком.

И поэт резюмирует сказанное выше:

...non in caro nidore voluptas
summa, sed in te ipso est... (19-20)

(Не в приятном запахе высшее наслаждение, а в тебе самом...)

Иными словами, не нужно искать удовольствие во внешнем мире, необходима гармония с собой.

Поуп перефразирует это таким образом:

The pleasure lies in you, and not the meat. (16)
(Удовольствие находится в тебе, а не пища.)

Также сходны отрывки, высмеивающие тех, кто предпочитает дорогие красивые блюда, вместо того, чтобы выбирать дешевые, ничем не отличающиеся от них по вкусу.

vix tamen eripiam, posito pavone velis quin
hoc potius quam gallina tergere palatum,
corruptus vanis rerum, quia veneat auro
rara avis et picta pandat spectacula cauda: (23-26)

(Однако едва ли я смогу избавить [от того, что] ты хочешь, когда подан павлин, скорее им [павлином], чем курицей, щекотать нёбо, подкупленный пустыми вещами, т.к. продается за золото редкая птица и являет зрелище разноцветным хвостом.)

У Поупа та же мысль:

Preach as I please, I doubt our curious men
 Will chuse a Pheasant⁷⁹ still before a Hen;
 Yet Hens of Guinea full as good I hold,
 Except you eat the feathers green and gold. (17-20)

(Проповедую, как хочу, [но] боюсь, наши любопытные мужчины предпочтут фазана курице. Хотя гвинейские курицы кажутся крупными, разве что вы едите зеленые и золотые перья.)

Гораций иронично отмечает, что по вкусу нельзя определить, где поймана рыба (строки 31-33) – в море или в реке, дорогая она или нет, следовательно, гурмана можно обмануть. Кроме того, он отмечает, что еду все равно режут на мелкие кусочки, поэтому нет смысла хвастать размером рыбы или её редкостью.

... laudas, insane, trilibrem
 mullum, in singula quem minuas pulmenta necesse est.
 ducit te species, video: quo pertinent ergo
 proceros odisse lupos? quia scilicet illis
 maiorem natura modum dedit, his breve pondus: (33-37)

(Хвалишь, безумный, трехфунтовую краснобородку [мулла], которую необходимо размельчить на отдельные порции. Я вижу, привлекает тебя внушительность; а тогда почему презираешь длинных щук? Потому что, как известно, природа дала им больший размер, а тем [краснобородкам] - малый вес.)

Поуп перефразирует оригинал следующим образом:

Of Carps and Mulletts why prefer the great,
 (Tho' cut in pieces 'ere my Lord can eat)
 Yet for small Turbots⁸⁰ such esteem profess?
 Because God made these large, the other less. (21-24)

(Зачем выбирать крупных [рыб] из карпов и кефали (хотя режут на кусочки, чтобы мой господин мог съесть), однако оказывать такое предпочтение маленькому калкану. Потому что Бог создал одних большими, других – поменьше.)

А далее в сатире появляется обжора, и если у Горация он назван метонимически – *Harpis gula digna rapacibus* (40; глотка, достойная неуправляемых гарпий), то для Поупа открывается возможность ввести персональные отсылки. Так место обжоры, согласно мнению Д. Батта

⁷⁹ В оригинале стоят «павлины», т.е. использовано более сильное противопоставление. Павлины были одним из самых дорогих блюд на римском столе и потому ассоциировались с эпикуреизмом.

⁸⁰ Рыба из отряда камбалообразных.

[Butt 1939, 54-55], у него занимает Ричард Олдфилд⁸¹, известный гурман, потративший состояние на роскошные лакомства (строка 25). По мнению Д. Маклаверти [McLaverty 2001, 170], упоминание гарпии (ж.р.) должно навести читателя на мысль о женщине, а именно известной актрисе Энн Олдфилд (Поуп также упоминает ее в следующей сатире «Sober Advice from Horace»). В таком случае контраст с латинским оригиналом был бы более заметен. Нам кажется более уместным в данном контексте упоминание Ричарда Олдфилда. Авидиен (Avidienus – «говорящее» имя; от лат. avidus – «жадный») (строки 55-56) в сатире Горация - скупой человек, которого недаром называют «псом» (из-за его скверного характера; здесь также присутствует отсылка к киникам и их образу жизни) [Page 1939, 438]. Поуп под именем Авидиена выводит Э. У. Монтегю и добавляет в текст образ его жены леди Мэри. Сатира становится более резкой, когда поэт называет мужа и жену самцом и самкой животного, что, по-видимому, намекает уже не только на раздражительность и неприятный нрав. К тому же Поуп упоминает сына этой пары, доставлявшего много проблем, что едва ли можно принять за добрую шутку. В остальном Поуп близко придерживается оригинала и описывает их жадность при трате вина и масла.

Avidien⁸² or his Wife (no matter which,
 For him you'll call a dog, and her a bitch)... (49-50)
 One half-pint bottle serves them both to dine,
 And is at once their vinegar and wine.
 But on some lucky day (as when they found
 A lost Bank-bill, or heard their Son was drown'd)
 At such a feast, old vinegar to spare,
 Is what two souls so gen'rous cannot bear;
 Oyl, tho' it stink, they drop by drop impart,
 But sowse the Cabbige with a bounteous heart. (53-60)

⁸¹ Этот известный гурман «проел» состояние в 1,5 тыс. фунтов в год, устраивая роскошные трапезы [Butt 1939, 54-55].

⁸² Эдвард Уортли Монтегю, муж леди Мэри Монтегю; их сын был сложным и безответственным человеком. Подробнее см.: [Butt 1939, 180; Креленко 2016, 281].

(Авидиен или его жена (не важно кто из них, в честь него ты назовешь пса, в честь нее – суку)... одна полпинтовая бутылка служит им обоим обедом и является для них одновременно и уксусом, и вином. Но в один счастливый день (когда они найдут потерянный чек или услышат, что их сын утонул) на такой праздник тратить старый уксус – такого две столь щедрые души не могут вынести: масло, хотя оно воняет, они по капле вливают, но окунают капусту в соус с щедрой душой.)

Интересно, что следующие два имени (Альбуций – брюзга, Невий – беспечный хозяин) Поуп просто заимствует и не заменяет именами своих современников. С 66 строки (у Поупа) начинается вторая часть, в которой доказывается польза умеренного образа жизни.

Now hear what blessings Temperance can bring:

(Thus said our friend, and what he said I sing) (66-67)

(Теперь послушай, какое благо может умеренность принести (так сказал наш друг, а то, что он сказал, я излагаю в стихах).)

У Горация сказано так:

accipe nunc, victus tenuis quae quantaque secum

adferat. (70-71)

(Послушайте теперь, что и сколь многое умеренное питание [образ жизни] приносит с собой.)

У Горация переход к новой части помимо призыва выслушать, содержит повтор части первого стиха: *Quae virtus et quanta, boni, sit vivere parvo* (1). У Поупа этот повтор при переходе к следующей части теряется, но он вновь напоминает читателю, что речь ему не принадлежит, а он пересказывает идеи своего друга (строка 67).

Первый пункт, который затрагивают поэты, это здоровье. Гораций начинает с обобщения (разнородная еда – плохо, простая пища – хорошо (71-73)), затем приводит конкретный пример (когда жареное смешивают с вареным и пр., это приводит к расстройству желудка, образованию слизи (73-76)).

Поуп меняет стихи Горация, в которых содержатся два примера последствий неправильного питания на ряд однородных существительных, чтобы подчеркнуть, как на человека нападают неприятности.

dulcia se in bilem vertent stomachoque tumultum

lenta feret pitvita. (75-76)

(сладкое превращается в желчь, и желудку расстройство добавляет [приносит] клейкую слизь.)

У Поупа мы находим более развернутое описание. Он вводит метафору «могилы» и «войны» в организме, возникающих в результате неумеренного потребления пищи:

First Health: The stomach (cramm'd from ev'ry dish,
A Tomb of boil'd, and roast, and flesh, and fish,
Where Bile, and wind, and phlegm, and acid jar,
And all the Man is one intestine war)... (69-72)

(Сперва [послушайте о] здоровье: желудок (переполненный от всех блюд, могила вареного и жареного, и мяса, и рыбы, где желчь и газы, и слизь, и кислотный беспорядок [расстройство], и весь человек – одна война кишечника).)

Человеку, предпочитающему пресыщение, Гораций противопоставляет человека склонного к умеренности, который выбирает здоровый сон.

alter ubi dicto citius curata sopori
membra dedit, vegetus praescripta ad munia surgit. (80-81)

(Другой [человек], когда скорее предписанному сну отдал члены [тело], заботясь [о нем, о теле], полный сил для предписанных обязанностей просыпается.)

А Поуп отсылает к воспоминаниям о детстве и здоровом образе жизни:

First Health: The stomach <...> (69)
Remembers oft the school-boys simple fare,
The temp'rate sleeps, and spirits light as air! (73-74)

(Во-первых, здоровье: желудок <...> вспоминает часто простой режим питания в школьные годы, умеренный сон и душевный настрой легкий как воздух!)

Далее Поуп распространит пример Горация о бледности объевшегося человека. У Горация так: *vides, ut pallidus omnis cena desurgat dubia?* (76-77; ты видишь, что всякий встает после сомнительного обеда [обеда, где приходится сомневаться, какое блюдо взять из-за разнообразия выбора] бледным). А Поуп вставляет критику неумеренности в питании, а также расточительства (трат на пиры) духовных лиц и городских властей.

How pale, each Worshipful and rev'rend Guest
Rise from a Clergy, or a City, feast!
What life in all that ample Body, say,
What heav'nly Particle inspires the clay? (75-78)

(Как бледен каждый почтенный и уважаемый гость, [который] выходит с церковного или городского праздника! Какая жизнь во всем этом обильном теле, скажи?)

Противопоставление: полное еды тело без души и разум бодрого человека, который готов к свершениям, ему легко трудиться и сочинять.

Далее Гораций приводит три причины, когда можно сделать послабления в диете: праздничный день, слабость тела (болезнь) и старость (82-86). Но поэт предупреждает, что если смолоду привыкнуть к изнеженности, то к старости нечем будет себя порадовать:

...tibi quidnam accedet ad istam
quam puer et validus praesumis mollitiem, seu
dura valetudo inciderit seu tarda senectus? (86-88)

(Что же добавится у тебя к этой изнеженности, которую ты мальчиком и [будучи] здоровым заранее избираешь, или если плохое здоровье случится или медлительная [делающая медленным] старость?)

Поуп тоже рассуждает о старости:

Ill Health some just indulgence may engage,
And more, the Sickness of long Life, Old-age:
For fainting Age what cordial drop remains,
If your intemp'rate Youth the Vessel drains? (87-90)

(Нездоровье может вызвать лишь немного снисхождения, а более того, болезнь длинной жизни – старость: для слабеющего возраста какие сердечные капли остаются, если твоя несдержанная молодость истощает судно?)

Поуп вводит метафору «корабль (судно) = человеческое тело». С другой стороны, Поуп мог использовать образ «корабля», в значении «государства». Интересно, что уже в античности греческие поэты стали отождествлять государство с кораблем, причем преимущественно в контексте бури, неурядиц (политических и социальных). Поуп, возможно, высказывает опасения, которые могут возникнуть у старшего поколения при взгляде на молодежь, которая не заботится о благосостоянии государства. Этот же фрагмент можно понять иначе, если перевести *vessel* как «сосуд». Тогда, по всей видимости, это сосуд с «сердечными каплями» (метафора для приятных вещей, облегчающих тяготы старости), которые молодые люди растрачивают впустую.

После описания невзгод старости у сатириков представлен положительный пример гостеприимства.

rancidum aprum antiqui laudabant, non quia nasus
illis nullus erat, sed, credo, hac mente, quod hospes
tardius adveniens vitiatum commodius quam
integrum edax dominus consumeret. hos utinam inter
heroas natum tellus me prima tulisset. (89-93)

(Древние хвалили тухлого кабана не потому, что носа у них не было, но, я полагаю, с той мыслью, что гость, пришедший позже, стухшее охотнее съест, чем прожорливый хозяин свежее съест. Вот бы среди этих героев прежде земля произвела меня на свет!)

Поуп почти дословно повторяет пример Горация:

Our Fathers prais'd rank Ven'son. You suppose
Perhaps, young men! our Fathers had no nose?
Not so: a Buck was then a week's repast,
And 'twas their point, I ween, to make it last:
More pleas'd to keep it till their friends could come,
Than eat the sweetest by themselves at home.
Why had not I in those good times my birth,
E're Coxcomb-pyes or Coxcombs were on earth? (91-98)

(Наши отцы хвалили протухшую оленину. Вы полагаете, возможно, юноши! что у наших отцов не было носов. Вовсе не так: убитый зверь был тогда недельной трапезой, и в этом был их здравый смысл, я полагаю, растягивать его подольше; они предпочитали сохранить его до прихода друзей, чем съесть самое лучшее самим дома. Почему я не родился в те славные времена, до того, как на земле появились пироги с петушиными гребнями и петухи [т.е. франты]?)

В последней строке Поуп использует игру слов: слово *coxcomb* используется в значении «птица» и в значении «любитель красоваться».

Затем поэты обращаются к теме «славы».

das aliquid famaе, quae carmine gratior aurem
occupet humanam? grandes rhombi patinaeque
grande ferunt una cum damno dedecus. (93-96)

(Ты ценишь славу, которая приятнее, чем поэзия, увлекает человеческое ухо? Огромные ромбы и блюда приносят огромный позор вместе с ущербом.)

Поуп, используя некоторую лексику из латинского текста, меняет её порядок и создает отличную от оригинала мысль.

Unworthy He, the voice of Fame to hear,
That sweetest Music to an honest ear;
(For 'faith Lord Fanny⁸³! you are in the wrong,
The World's good word is better than a Song)

⁸³ Лорд Херви. Подробнее см. Sat. II. 1, 6.

Who has not learn'd, fresh Sturgeon and Ham-pye

Are no rewards for Want, and Infamy! (99-104)

(Тот недостойн слышать голос славы, эту приятнейшую музыку для честного уха; (лорд Фанни, ты абсолютно не прав [считая, что] хорошее мнение Света лучше, чем стихи) кто не знает, что свежий осётр или мясной пирог не являются наградой за нужду и позор!)

Auris humana превращается в созвучное *honest ear*. Поуп использует в значении «стихотворение» слово *song*, как и Гораций, который употребляет *carmen* в первом значении «песня». Безличное суждение о превосходстве славы над поэзией становится для Поупа возможностью осмеять своего врага, лорда Херви (Фанний). У Горация предыдущую фразу можно разбить на две независимые сентенции; Поуп же использует рамочную композицию в рамках одного высказывания: Unworthy He... (99) - Who has not learn'd... (103).

В следующем фрагменте поэты рассуждают о потере уважения близких и самоуважения, когда, промотав состояние, впадаешь в крайнюю нищету.

...adde

iratum patruum, vicinos, te tibi iniquum

et frustra mortis cupidum, cum deerit egenti

as, laquei pretium. (96-99)

(Прибавь гневного дядю, соседей, ты сам себе враг и тщетно желающий смерти, когда [тебе] неимущему недостает асса, [это] цена за веревку.)

Поуп перефразирует следующим образом:

When Luxury has lick'd up all thy pelf,

Curs'd by thy neighbours, thy Trustees, thyself,

To friends, to fortune, to mankind a shame,

Think how Posterity will treat thy name;

And buy a Rope, that future times may tell

Thou hast at least bestow'd one penny well. (105-110)

(Когда роскошь вылизала все твое богатство, проклятый соседями, твоими поручителями, самим собой, позор для друзей, благополучия, человечества, подумай, как потомки станут обращаться с твоим именем; и купи веревку, чтобы будущие поколения могли сказать, что хотя бы один пенни потратил правильно.)

Поуп использует прием олицетворения, критикуя прожорливую роскошь (один из главных пороков его времени). Затем, чтобы показать степень неодобрения, увеличивает однородный ряд существительных Горация (106-

107). А последнюю фразу Горация превращает в издевку над разорившимся (по собственной глупости) человеком.

В следующем фрагменте обсуждается общественный долг гражданина (в особенности обеспеченного).

'iure' inquit 'Trausius istis
iurgatur verbis: ego vectigalia magna
divitiasque habeo tribus amplas regibus.' ergo,
quod superat non est melius quo insumere possis?
cur eget indignus quisquam te divite? Quare
templa ruunt antiqua deum? cur, inprobe, carae
non aliquid patriae tanto emetiris acervo? (99-105)

(Говорит: «Этими словами справедливо ругают Траузия: а я имею огромные доходы и богатства обильные для трех царей». Тогда, разве не можешь употребить то, что в изобилии, лучше? Почему, когда ты богат, кто-то невинный нуждается? Почему древние храмы богов разрушают? Почему, нечестивец, дорогому Отечеству не выделяешь что-нибудь из такой кучи [такого богатства]?)

Поуп подробно расписывает, как следует делиться состоятельным людям с достойными бедняками. Но, что более интересно, он включает в описание примеры из современной Англии, обращает внимание на социальные проблемы, которые, вероятно, волновали многих англичан. Поэтому эти строки должны были вызвать симпатию к автору (он находит удачную аналогию «разрушенные древние храмы – разрушенные церкви, дворец», поднимает важную социальную тему – отношение к разрушению исторических зданий) и одновременно негодование по отношению к городским властям из-за удручающего состояния некоторых городских объектов.

"Right, cries his Lordship, for a Rogue in need
"To have a Taste, is Insolence indeed:
"In me 'tis noble, suits my birth and state,
"My wealth unwieldy, and my heap too great."
Then, like the Sun, let Bounty spread her ray,
And shine that Superfluity away.
Oh Impudence of wealth! with all thy store,
How dar'st thou let one worthy man be poor?"

Shall half the new-built churches round thee fall⁸⁴?
 Make Keys⁸⁵, build Bridges⁸⁶, or repair White-hall⁸⁷:
 Or to thy Country let that heap be lent,
 As Marlboro's⁸⁸ was, but not at five per Cent. (111-122)

(«Верно, - восклицает его Светлость, - «для бродяги, находящегося в нужде иметь вкус – это высокомерие, в самом деле: во мне – это знатность, подобает моему происхождению и положению, мое богатство непомерно, а состояние слишком велико». В таком случае, как солнцу, позволь щедрости распространить свои лучи и излить излишки прочь. О, дерзость богатства! Со всем твоим изобилием, как позволяешь ты хотя бы одному достойному человеку быть нищим? Разве должна половина нововыстроенных церквей вокруг тебя пасть? Делай набережные, строй мосты или восстанавливай Уайт-холл: или позволяй своей стране брать большой заем, когда Мальборо была, но не под пять процентов.)

В последних строках (121-122) Поуп в противоположность упреку Горация (почему богач не выделяет денег для своего государства), вставляет иное, более едкое замечание: он не упускает возможность высмеять якобы благотворительные действия герцогини Мальборо, которая давала правительству денежные суммы, но не просто в долг, а под проценты, и таким образом обогащалась еще больше.

Последняя тема, которую развивают сатирики – это превратности судьбы и готовность перенести возникшие трудности. Гораций укоряет того, кто считает, что беды всегда будут обходить его стороной, задавая риторические вопросы, заставляет своего читателя увидеть негативные последствия склонности к роскошной жизни. Упоминание войны должно было породить в мыслях читателей воспоминания о бесконечных гражданских войнах и изменениях, сопутствовавших смене власти: потеря состояния, а иногда и жизни. Никто не был застрахован от конфискации, подозрений в прегрешениях, а потому призыв готовиться к войне во время мира (т.е. жить и питаться скромно, думая о черном дне) мог быть весьма убедительным.

⁸⁴ Поуп имеет в виду церкви в Лондоне и Вестминстере; он обращает внимание на их ужасное состояние – следствие того, что церкви были построены на болотистой почве. Подробнее: [Butt 1939, 62].

⁸⁵ Набережная: Поуп здесь подчеркивает необходимость достроить набережную напротив Уайт-холла. [Butt 1939, 62-63].

⁸⁶ В тот период Темзу пересекал только Лондонский мост, следовательно, существовала необходимость в постройке других мостов. [Butt 1939, 63].

⁸⁷ Уайт-холл был королевским дворцом со времен Генриха VIII; всё здание, за исключением банкетного зала, было разрушено в результате пожара 1691 и 1698 годов. [Butt 1939, 63].

⁸⁸ Герцогиня Мальборо давала в долг деньги правительству [Butt 1939, 63].

uni nimirum recte tibi semper erunt res,
 o magnus posthac inimicis risus. uterne
 ad casus dubios fidet sibi certius? hic qui
 pluribus adsuerit mentem corpusque superbum,
 an qui contentus parvo metuensque future
 in pace, ut sapiens, aptarit idonea bello? (106-111)

(Всегда у тебя одного дела будут [идти] безмерно хорошо, после [станешь] огромной насмешкой для врагов. Кто может довериться изменчивому случаю больше? Тот, кто подчинил разум и тело надменное излишествам, или тот, кто доволен малым и, опасаясь будущего, в мире как мудрец придерживается подходящего [образ жизни] для войны?)

Поуп в данном фрагменте довольно близко придерживается оригинала. В конце он подводит итог второй части сатиры, повторяя, что это пересказ идей Бетеля.

Who thinks that Fortune cannot change her mind,
 Prepares a dreadful Jest for all mankind!
 And who stands safest, tell me? is it he
 That spreads and swells in puff'd Prosperity,
 Or blest with little, whose preventing care
 In Peace provides fit arms against a War?
 Thus Bethel spoke, who always speaks his thought,
 And always thinks the very thing he ought:
 His equal mind I copy what I can,
 And as I love, would imitate the Man. (123-132)

(Кто думает, что Судьба не может изменить свое решение, готовит ужасный курьез для всего человечества. Кто остается в высшей степени в безопасности? Скажи мне, это тот, кто растет и раздувается от распухшего благополучия, или тот, кто, довольный малым, заботится заранее и во время мира готовит подходящее вооружение против войны? Так Бетель говорил, который всегда говорит, что думает, и всегда думает те самые вещи, которые должен: его спокойный разум я копирую в той мере, в какой могу, и, так как я предпочитаю, стану подражать этому человеку.)

Поуп завершает фрагмент напоминанием о житейской мудрости Бетеля, чтобы перейти заключительной части, в которой он будет говорить самостоятельно и сделает больший акцент на своем понимании жизненного уклада. Это решение отличается от того, что мы видим у Горация. У античного поэта в финале внимание вновь переносится на Офелла и его монолог, а сам Гораций как бы уходит в тень.

quo magis his credas, puer hunc ego parvus Ofellum
 integris opibus novi non latius usum

quam nunc accisis. (112-114)

(Верь этим вещам тем больше, что я, будучи маленьким мальчиком, знал этого Офелла, когда его дела были в расцвете и он не жил на более широкую ногу, чем сейчас, когда дела расстроились.)

Поуп переделывает фразу и вводит две современные отсылки: скандал связанный с финансовой пирамидой Компании Южных морей (первые участники проекта действительно очень быстро обогатились, но дальнейшее распространение проекта привело к разорению многих участников); провальный акцизный план Уолпола, согласно которому торговцы вином и табаком должны были платить специальный налог, что, очевидно, сокращало ИЗ ДОХОДЫ.

In South-sea⁸⁹ days not happier, when surmis'd

The Lord of thousands, than if now Excis'd⁹⁰; (133-134)

(В дни [Компании] Южного моря не был счастливее, когда считали лордом тысяч [т.е. богачом], чем если бы теперь пришлось платить акциз.)

Далее и до конца следует монолог Офелла (116-136), в подражании – монолог Поупа, идеализированный рассказ о себе (131-180).

videas metato in agello

cum pecore et gnatis fortem mercede colonum

'non ego' narrantem 'temere edi luce profesta

quicquam praeter holus fumosae cum pede pernae. (114-117)

(Ты увидишь, что на отмеренном (арендованном) клочке земли стойкий земледелец-арендатор со стадом и детьми рассказывает: «Я не ел напрасно в будний день ничего, кроме как зелень с ногой окорока (с окороком).)»

У Поупа:

In Forest⁹¹ planted by a Father's hand,

Than in five acres now of rented land⁹².

Content with little, I can piddle here

On brocoli and mutton, round the year; (135-138)

(В лесу, посаженном отцовской рукой [не был счастливее], чем теперь на пяти акрах арендованной земли. Довольствуясь малым, я могу здесь заниматься пустяками, [питаюсь] брокколи и бараниной, в течение года.)

⁸⁹ Имеется в виду афера Компании Южных морей.

⁹⁰ Провальный законопроект Р. Уолпола: он хотел ввести налог на вино и табак, что вызвало недовольство торговцев.

⁹¹ Бинфилд, Виндзорский лес, куда отец Поупа переехал с семьей около 1700 года [Butt 1939, 64].

⁹² Земля с домом в Твикенхэме, арендованные Поупом в 1718 году [Butt 1939, 64].

Описав дом и диету, Поуп и Офелл размышляют о гостеприимстве (ранее уже говорилось о гостеприимстве предков).

ac mihi seu longum post tempus venerat hospes
sive operum vacuo gratus conviva per imbrem
vicinus, bene erat non piscibus urbe petitis,
sed pullo atque haedo; tum pensilis uva secundas
et nux ornabat mensas cum duplice ficu.
posthac ludus erat cuppa potare magistra
ac venerata Ceres, ut culmo surgeret alto,
explicuit vino contractae seria frontis. (118-125)

(Но если спустя долгое время ко мне пришел гость или, когда свободен от дел, приятный сосед-сотрапезник в непогоду, было славно не из города привезенными рыбами, а цыпленком и козленком [угостить]; тогда висящая гроздь [виноград] и орех с двойной фигой украшали мой благополучный стол. После этого была игра – напиваться из бочки, и почитаемая наставница Церера, чтобы [она] поднималась высоким стеблем [т.е. чтобы колосья вырастали высокими], вином устранила заботы сморщенного лба.)

Поуп делает парафраз, близкий к оригиналу.

But ancient friends (tho' poor, or out of play)
That touch my Bell, I cannot turn away.
'Tis true, no Turbots dignify my boards,
But gudgeons, flounders, what my Thames affords:
To Hounslow-heath I point, and Bansted-down⁹³,
Thence comes your mutton, and these chicks my own:
From yon old walnut-tree, a show'r shall fall;
And grapes, long-lingring on my only wall,
And figs, from standard and espalier⁹⁴ join:
The dev'l is in you if you cannot dine. (139-148)

(Но от старинных друзей (хотя бедные или отошедшие от дел), которые касаются моего звонка, я не могу отвернуться. Это правда, ни один палтус не делал честь моему столу, но пескарь, камбала, вот то, что может предоставить моя Темза: я указываю на пустошь Хаунслоу и Банстед-даун, оттуда прибывает твоя баранина, а эти цыплята мои собственные: вон с того старого орехового дерева должен осыпаться ливень плодов; и виноград, долго оплетающий мою единственную стену, и фиги присоединяются со штандарта и шпалеры; дьявол в тебе, если ты не можешь пообедать [этим].)

В конце Поуп добавляет ехидное замечание по поводу человека, который не может съесть такую пищу и насладиться. Однако он опускает упоминание попойки, поскольку в его случае это нарушило бы описываемую идиллию.

⁹³ Известное пастбище для овец [Butt 1939, 66]. Поуп вводит противопоставление: покупной скот – выращенный на своей земле.

⁹⁴ Решетчатая конструкция для поддержания дерева.

Но поэт резюмирует, какие вещи необходимы для жизни: скромное питание, хорошее здоровье (ирония: для его поддержания требуется любовница) и умение ЭТИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ.

Then chearful healths (your Mistress shall have place)

And, what's more rare, a Poet shall say Grace. (149-150)

(Затем бодрое здоровье (у тебя любовница должна быть) и, что гораздо реже, поэт скажет – расположенность [к этому].)

Гораций (в лице Офелла) возвращается к теме превратности судьбы и дает совет проявлять стойкость духа, когда что-то происходит.

saeviat atque novos moveat Fortuna tumultus:

quantum hinc inminuet? quanto aut ego parcius aut vos,

o pueri, nitiuistis, ut huc novus incola venit?

nam propriae telluris erum natura nec illum

nec me nec quemquam statuit: nos expulit ille,

illum aut nequities aut vafri inscitia iuris,

postremum expellet certe vivacior heres.

nunc ager Umbreni sub nomine, nuper Ofelli

dictus, erit nulli proprius, sed cedit in usum

nunc mihi, nunc alii. quocirca vivite fortes

fortiaque adversis opponite pectora rebus.' (126-136)

(Пусть свирепствует и посылает новые беды Фортуна: сколько отсюда она сможет отнять? Насколько бережливее я или вы, о детки, достигали благополучия, когда сюда пришел новый житель? Ведь природа ни его, ни меня, ни кого бы то ни было не сделала владельцем собственной земли [т.е. полноправным владельцем]: нас выгнал тот, его – или расточительство, или незнание хитрого закона, в конце концов более живучий наследник наверняка выгонит. Нынче земля под именем Умбрена [т.е. принадлежит У.] недавно говорили – Офелла, не будет ничьей собственностью, но попадет в пользование то ко мне, то к другому. Поэтому будьте сильными, и твердый дух противопоставьте изменчивым обстоятельствам.)

Поуп разворачивает мысль об изменчивости судьбы параллельно, но добавляет детали, которые существенно увеличивают объем. Высказанная идея о том, что судьба не может отнять многое, лишний раз подчеркивает горацианскую мысль о необходимости жить скромно, ведь тогда не придется коренным образом менять привычки в случае перемены обстоятельств. Поуп как бы небрежно добавляет отсылки к современным факторам, которые могут сильно повлиять на благосостояние человека: повышение налогов и содержание регулярной армии. Затем возвращается ближе к оригиналу и

воспроизводит фрагмент, в котором говорится о найме жилья и о том, что это можно спокойно вынести. Далее Поуп реализует возможность проявить остроумие и процитировать себя, приводя строку из своего перевода Гомера (таким образом напомнить читателю о своих прежних достижениях в области литературы). После Поуп вводит элементы диалога и образ своего друга Свифта, чтобы включить противоположное мнение, которое можно оспорить в сатирическом духе, разбивая один аргумент за другим.

Tho' double tax'd, how little have I lost?
 My Life's amusements have been just the same,
 Before, and after Standing Armies came.
 My lands are sold, my Father's house is gone;
 I'll hire another's, is not that my own?
 And yours, my friends? thro' whose free-opening gate
 None comes too early, none departs too late;
 (For I, who hold sage Homer's rule the best,
 Welcome the coming, speed the going guest⁹⁵.)
 "Pray heav'n it last! (cries Swift) as you go on;
 "I wish to God this house had been your own:
 "Pity! to build, without a son or wife:
 "Why, you'll enjoy it only all your life." —
 Well, if the Use be mine, can it concern one
 Whether the Name belong to Pope or Vernon?
 What's Property? dear Swift! you see it alter
 From you to me, from me to Peter Walter...⁹⁶ (152-168)

(Пусть [заплатил] двойной налог, как мало я потерял? Удовольствия моей жизни были точно такие же, до и после того как пришла Регулярная Армия. Мои земли проданы, дом моего отца пропал; я сниму чей-то; разве он не мой, и ваш, мои друзья? Через свободно открывающиеся ворота которого никто не приходит слишком рано, никто не уходит слишком поздно; (что касается меня, я выше всего ценю совет мудрого Гомера - приветствуй пришедшего, поторапливай уходящего гостя). Молись небесам, чтобы это длилось (воскликает Свифт!), пока ты действуешь [т.е. живешь]. «Я желаю, бога ради, чтобы этот дом был твоим собственным. Жалко! Строить без сына или жены. Зачем, ведь ты будешь наслаждаться им лишь на протяжении всей жизни!» Что ж, если я владею Пользой, кого может заботить принадлежит ли имя [хозяина] Поупу или Вернону? Что есть имущество? Дорогой Свифт! Ты видишь, [как оно] переходит от тебя ко мне, от меня к Питеру Уолтеру...)

⁹⁵ Из собственного перевода «Одиссеи» XV.83-84 [Butt 1939, 67].

⁹⁶ В это время он скупал земли в Дорсете [Butt 1939, 68].

Поуп в завершение приводит еще несколько примеров (уже конкретных, а не как выше – обобщенных) того, как легко поместья и земли переходят из рук в руки, поэтому не имеет смысла строить свою жизнь вокруг собственности. И в конце более ясно формулирует идею Горация о том, что необходимо в первую очередь быть хозяином самому себе, ведь этого отнять никто не сможет.

...And Hemsley, once proud Buckingham's⁹⁷ delight,

Slides to a Scriv'ner or a city Knight.

Let Lands and Houses have what Lords they will,

Let Us be fix'd, and our own Masters still. (177-180)

(А [поместье] Хемсли, когда-то услада высокомерного Бэкингема, ускользает к ростовщику или городскому рыцарю. Пусть земли и дома имеют тех хозяев, которых они хотят, пусть мы будем в порядке и по-прежнему хозяевами самим себе.)

⁹⁷ Бэкингом продан свое поместье Хемсли за баснословные деньги [Butt 1939, 69].

Глава 5. Сопоставительный анализ. Сатира I.2 и «Разумный совет»

В сатире «Разумный совет Горация юным джентльменам о городе⁹⁸» Поупу вновь удалось продемонстрировать свое остроумие и удивить публику. Английский поэт ведет литературную игру с читателем: он утверждает, что данное произведение ни что иное как подражание Горация своей собственной сатире (I.2), написанное в духе Александра Поупа. Поэт создает иллюзию несерьезности. Перед основным текстом он добавляет как бы традиционное поэтическое посвящение, написанное римским сатириком на английском языке⁹⁹. В данном случае это дифирамбы самому себе, вложенные в уста робкого поклонника. Помимо шуточного посвящения, английский сатирик прибавляет к тексту придуманный комментарий, который якобы составлен Ричардом Бентли, известным английским филологом-классиком. Поуп явно пародирует научные издания текстов с комментарием, в частности издания Р. Бентли [Kuppersmith 2007, 81-83]. Поуп неодобрительно относился к тому подходу, который избрал ученый для работы с текстами: Р. Бентли был крайне придирчив, предлагал множество исправлений даже для канонических текстов (чтений), также предлагал считать неподлинными или сомнительными разные отрывки текстов (особенно в издании Милтона 1732 года), которые большинством ученых признавались (Подробнее см.: [Rumbold 2007; Naugen 2011]). Иными словами, он заработал славу буквоеда и педанта. Помимо этого он нелестно

⁹⁸ О жителях города (Sober Advice from Horace to the young Gentlemen about town).

⁹⁹ «Александру Поупу, эсквайру;

Сэр,

Я целиком полагаюсь на Вашу снисходительность по отношению ко мне и верю, что Вы не можете не оказать покровительство этому подражанию, выполненному настолько в Вашем стиле и обязанному, я могу честно признаться, своим возникновением Вам. Будучи в этом убежден, я не стану сдерживать критику почтенного доктора, возникшую вокруг него; наоборот, тем более что он пообещал исправить погрешности в следующем издании с тем же великодушием, которое он проявил и к Милтону. Я надеюсь, Вы поверите, что, когда я выражаю мое уважение к Вам, я лишь из скромности скрываю свое имя; поэтому, хотя вероятно, я не могу назвать себя столь большим почитателем как другие, мне можно лишь сохранять так много уважения в душе, доброжелательности и энтузиазма как любому человеку.

Дорогой сэр,

Ваш самый любящий и преданный слуга».

высказался о переводе «Илиады» Гомера (1715-1720), выполненном Поупом (см.: [Sandys 1908, 410-411]). А Поуп высмеял ученого с помощью его же метода [Rogers 2007, 202].

Свою сатиру «Разумный совет...» английский сатирик опубликовал в 1735 году почти одновременно с «Посланием к Арбетноту»; произведения появились как ответ на публичные атаки со стороны леди Мэри Монтегю и лорда Херви. И тогда, желая дать достойный ответ, Поуп вновь удачно адаптировал горацианский сюжет для своего положения. Он хотел уязвить леди Мэри, а самым простым способом сделать это, было указать на ее безнравственность. Для этой цели как нельзя лучше подошла вторая сатира Горация, в которой перечисляются любовные похождения и их последствия. Однако, если у Горация акцент сделан на мужчин (ведь в Древнем Риме у мужчин было больше возможностей предаваться разврату), то Поуп перенес внимание на женщин [Rogers 2007, 202] и даже привел несколько имен современников, замешанных в скандалах, возникших из-за супружеской измены.

Следует отметить и тот факт, что Поуп создавал «Разумный совет» одновременно с «Посланием к леди» (один из *Моральных опытов*), в котором изобразил разнообразие женских характеров. В послании Поуп описывает непостоянство и противоречивость женщин; он называет всего несколько имен современников, а в остальных случаях использует имена из греческой, римской и христианской литературы, создавая типы, а не высмеивая конкретных женщин¹⁰⁰ (как это сделано в «Разумном совете»). У. Купперсмит [Kuppersmith 2007, 79] указывает, что Поуп сознательно старался скрыть авторство «Разумного совета» (в качестве доводов ученый называет тот факт, что сатира была опубликована анонимно, а также что автор написал посвящение-комплимент самому себе). Однако нам

¹⁰⁰ В примерах Поупа современники все равно видели отсылки к тем или иным светским дамам. Поэтому послание в первых изданиях печаталось не целиком.

представляется неубедительным довод о том, что Поуп хотел избежать огласки и остаться неузнанным. Во-первых, подобное фривольное подражание едва ли могло испортить репутацию поэта или направить на него еще больший гнев общества (напомним, что он и в предыдущих подражаниях высмеивал известных лиц; в его сатирах есть и постоянные персонажи: леди Мэри, лорд Херви (Фанни), Ричард Бентли и др.; есть те, кого он упоминает только в конкретном контексте, например, как в данной сатире: отмечаются все те, кто был уличен в разного рода развратных действиях; кроме того, поэт делает отсылки к относительно давним и общеизвестным событиям, он лишь собирает их вместе и имплицитно доказывает развращенность нравов). Во-вторых, как мы уже писали выше, в посвящении самому себе можно увидеть иронию. В-третьих, у Поупа в данном произведении повторяется идея из предыдущего подражания: голодный и испытывающий жажду человек не будет ждать роскошного обеда и питья, он будет довольствоваться тем, что у него есть.

Теперь обратимся к оригиналу подражания. Сатира I.2 Горация – одна из ранних сатир поэта. В ней рассматривается философская сторона адюльтера и его неприятные последствия. Эту неприятную и незанимательную, по мнению Э. Фрэнкеля [Fraenkel 1957, 76], тему Гораций мастерски разрабатывает, отделявая каждый стих и добавляя множество интересных деталей. Интересна композиция сатиры: прежде чем перейти к основной теме Гораций дважды «наводит читателя на ложный след» [Fraenkel 1957, 76-77]: вначале идет длинное перечисление представителей разных неблагодарных профессий, которое постепенно выливается в траурную процессию на похоронах певца Тигелла; затем следует замечание о том, что умерший был *benignus* (хороший, добродушный, благоволящий к этим людям), после чего рассказ о нем обрывается:

Ambubaiarum collegia, pharmacopolae,
mendici, mimae, balatrones, hoc genus omne
maestum ac sollicitum est cantoris morte Tigelli.

quippe benignus erat. (1-4)

(Коллегия танцовщиц, торговцы зельями, нищие, мимы, шуты, весь этот род печален и обеспокоен смертью певца Тигелла. Ведь он был расположен [к ним].)

Далее Гораций переходит к другой теме (строки 4-28): он приводит примеры людей, которые впадают в противоположные друг другу крайности: скупой – транжира; богач, который наживается за счет огромных процентов – транжира, у которого расходы превышают доходы; человек, закутанный с ног до головы – человек, который сильно оголяется; человек, который благоухает – человек, который воняет. И подводит итог: *nil medium est* (ничто не является средним, т.е. никто не придерживается <золотой> середины). И вновь читатель обманут, ведь и тема «умеренной жизни» не является основной темой сатиры. Только в 28-ой строке Гораций начинает излагать основное содержание сатиры, а именно опасности адюльтера.

А. Поуп в общем сохраняет композицию оригинала, а в начале сатиры создает максимально близкую современную параллель (у Горация: печаль представителей низших профессий по поводу смерти певца – у Поупа: скорбь всякого сброда (по мнению Поупа) из-за смерти актрисы).

The Tribe of Templars, Play'rs, Apothecaries,
Pimps, Poets¹⁰¹, Wits, Lord Fanny's¹⁰², Lady Mary's¹⁰³,
And all the Court in Tears, and half the Town,
Lament dear charming Oldfield¹⁰⁴, dead and gone!
Engaging Oldfield! who, with Grace and Ease,
Could joyn the Arts, to ruin, and to please. (1-6)

(Племя храмовников, игроков, аптекарей, сводников, поэтов, остроумцев, [окружение] лорда Фанни, [окружение] леди Мэри и весь двор в слезах, и [еще] полгорода оплакивают дорогую очаровательную Олдфилд, покойную и ушедшую! Обворожительная Олдфилд! Которая с грацией и легкостью могла заниматься искусствами, [так чтобы] и обесчестить и доставить удовольствие.)

Далее следует, как и у Горация, черед противопоставлений; Поуп описывает безнравственное поведение своих современников и, хотя прямо называет

¹⁰¹ Продажные поэты с Граб-стрит.

¹⁰² Лорд Херви.

¹⁰³ Леди Мэри Монтегю.

¹⁰⁴ Известная лондонская актриса Энн Олдфилд. Подробнее о ней см.: [Ступников 1976].

лишь два имени, остальные описания также дают читателю представление, о ком идет речь.

Not so, who of Ten Thousand gull'd her Knight¹⁰⁵,
 Then ask'd Ten Thousand for a second Night:
 The Gallant too, to whom she pay'd it down,
 Liv'd to refuse that Mistress half a Crown.
 Con. Philips¹⁰⁶ cries, "A sneaking Dog I hate."
 That's all three Lovers have for their Estate!
 "Treat on, treat on," is her eternal Note,
 And Lands and Tenements go down her Throat.
 Some damn the Jade, and some the Cullies blame,
 But not Sir Herbert¹⁰⁷, for he does the same. (7-16)

(Совсем не так [та поступает], кто надула на десять тысяч своего рыцаря, а потом попросила десять тысяч за вторую ночь: кавалер тоже, которому она заплатила, дожидая до того, что отказал той любовнице в половине кроны. Констанция Филипс кричит: «Ненавижу подлого пса!». Вот все, что имеют три любовника за их состояние! «Покупай, покупай» - это ее вечная присказка, и земли, и имущество уходят в ее горло. Некоторые проклинают блудницу, другие считают виновными жертв обмана, но не сэр Герберт, ведь он делает то же самое.)

В следующем отрывке Поуп заменяет горациевского персонажа Фуфидия, богача и алчного эгоиста, на Фуфидию, богатую безнравственную женщину, под маской которой читатель без труда угадывает леди Мэри Монтегю.

Fufidius vappae famam timet ac nebulonis
 dives agris, dives positus in fenore nummis:
 quinas hic capiti mercedes exsecat atque
 quanto perditior quisque est, tanto acrius urget;
 nomina sectatur modo sumpta veste virili
 sub patribus duris tironum. 'maxime' quis non
 'Iuppiter' exclamat simul atque audivit? 'at in se

¹⁰⁵ Речь идет о леди Каслмэйн и сэре Ричарде Хангерфорде, которого прозвали «транжирой». А кавалер – это Джон Черчилл (позднее герцог Мальборо), который, по рассказу ее компаньонки, получил тысячи фунтов от леди Каслмэйн, но не согласился одолжить ей двадцать гиней [Butt 1939, 74-75].

¹⁰⁶ Терезия Констанция Филипс – куртизанка, имевшая множество любовников [Butt 1939, 75].

¹⁰⁷ Возможно речь идет о сэре Герберте Пэкинготоне. Он был любовником Констанции Филипс и несколько раз пытался покончить с собой, чтобы удержать ее. Подробнее см.: [Wilson 2014, 135]. Отсутствие ясности в определении имени связано с тем, что в издании Поупа имена печатались не целиком, а с пропусками, например, O---f---ld, Ph-l-ps, Hi-sb-w и пр., читатель должен был догадаться, какое имя подразумевается. Современникам Поупа, разумеется, это было проще сделать. Поуп ориентировался на конкретную аудиторию, которая была в курсе тех событий, которые он упоминает или к которым отсылает в своих произведениях. Впоследствии читателям и критикам стало непросто понимать, какое историческое лицо скрывается за тем или иным персонажем. Это еще раз доказывает необходимость создания полного современного комментария к тексту (в данном случае параллель с оригиналом Горация не проясняет картину).

pro quaestu sumptum facit hic?' vix credere possis,
 quam sibi non sit amicus, ita ut pater ille, Terenti
 fabula quem miserum gnato vixisse fugato
 inducit, non se peius cruciaverit atque hic. (12-22)

(Фуфидий боится славы бездельника и мошенника, будучи богатым землями, богатым, благодаря деньгам, отданным в долг: он сдирает с человека по пять процентов и, чем более всякий [человек] разорен, тем сильнее осаждает; преследует в отношении долговых расписок юношей только что облачившихся во взрослую одежду [т.е. достигших совершеннолетия], [находившихся ранее] под властью суровых отцов. «Великий Юпитер!» - кто не воскликнет, как только услышит [об этом]? «Но и расход на себя он совершает сообразно с доходом?» Едва ли ты можешь поверить, насколько он не друг себе, как тот отец, которого комедия Теренция вывела на сцену, жил несчастным, прогнав сына, так и этот не хуже себя мучает.)

Гораций рассказал о корыстном Фуфидии, который наживается в том числе за счет молодых неопытных юношей. В этом коротком фрагменте он успевает и блеснуть эрудицией (отсылка к комедии Теренция «Самоистязатель») и неявно указать на необходимость жить скромно (даже если материальное состояние позволяет жить на широкую ногу).

А. Поуп разворачивает неприглядную картину жизни своего врага леди Мэри.

With all a Woman's Virtues but the Pox¹⁰⁸,
 Fufidia thrives in Money, Land, and Stocks:
 For Int'rest, ten per Cent. her constant Rate is;
 Her Body? hopeful Heirs may have it *gratis*.
 She turns her very Sister¹⁰⁹ to a Job,
 And, in the Happy Minute, picks your Fob:
 Yet starves herself, so little her own Friend,
 And thirsts and hungers only at one End:
 A Self-Tormentor, worse than (in the Play)
 The Wretch, whose Av'rice drove his Son away¹¹⁰. (17-26)

([Обладая] всеми женскими добродетелями, за исключением сыпи [иронично: сыпь единственный недостаток], Фуфидия обеспечена [процветает, купается в] деньгами, землями и акциями: с процентной ставкой в десять процентов - это её постоянный курс [процент]. Её тело? Надеющиеся наследники могут

¹⁰⁸ Леди Мэри болела оспой (*pox* употребляется в значении «высыпание, оспины»). Помимо этого *pox* может означать «сифилис»; вероятно, Поуп выбрал данное существительное ради игры слов: второе значение намекает на многочисленные половые связи с разными мужчинами.

¹⁰⁹ Подробнее см.: [Butt 1939, 76-77].

¹¹⁰ Намек на сложные отношения леди Мэри с сыном Эдвардом. Он несколько раз сбежал из школы, затем был отправлен в Голландию, но позволял себе без предупреждения возвращаться в Англию; вел себя экстравагантно. В дальнейшем он продолжил разочаровывать своих родителей. В конце концов «оба родителя, и respectable отец, и эксцентричная матушка фактически отреклись от него». Подробнее см.: [Креленко 2016, 281].

получить его бесплатно. Она привлекает к работе даже свою сестру, и в счастливую минуту она очистит твой карман от часов [стащит часы]: хотя сама голодает, едва ли сама себе друг, и испытывает жажду и голод только на одном конце: самоистязательница хуже, чем (в пьесе) [тот] несчастный, чья жадность прогнала его сына.)

Гораций далее приводит еще две пары людей, пристрастившихся к противоположным порокам.

Maltinus tunicis demissis ambulat, est qui
inguen ad obscaenum subductis usque; facetus
pastillos Rufillus olet, Gargonius hircum:
nil medium est. (25-28)

(Мальтин разгуливает отпустив тунику, а есть тот, кто [гуляет], подняв [тунику] вплоть до непристойных органов; элегантный Руфилл пахнет благовониями, Гаргоний [пахнет] козлом: ни в чем нет середины.)

У Горация этим фрагментом завершается вступление и начинается непосредственно основная сатирическая часть, высмеивающая развратных людей. У Поупа нет четкого тематического разграничения. Он, как уже было сказано выше, обрушивает свою сатиру на известных женщин и их не менее известных (современникам Поупа) любовников.

But why all this? Beloved, 'tis my Theme:

"Women and Fools are always in Extreme.

(Но к чему все это? Возлюбленные – вот моя тема: «Женщины и дураки всегда [впадают] в крайности....»)

Приведенные выше фрагменты из Горация Поуп переработал таким образом, чтобы акцент был не только на осмеянии общих пороков, но на пороках конкретных развратниц и прелюбодеев.

Rufa's at either end a Common-Shoar,
Sweet Moll and Jack are Civet-Cat and Boar:
Nothing in Nature is so lewd as Peg,
Yet, for the World, she would not shew her Leg!
While bashful Jenny, ev'n at Morning-Prayer,
Spreads her Fore-Buttocks to the Navel bare. (29-34)

(Руфа с любого конца – [пахнет как] общественная канализация, приятная Молль и Джек¹¹¹ – [пахнут как] циветта [сильный аромат мускуса] и хряк: нет в природе ничего столь похотливого, как Пэг, хотя, ни за что

¹¹¹ Лорд и леди Херви. Возможно, здесь присутствует аллюзия на героев романов Д. Дефо: «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» и «История полковника Джека». Эти герои совершили много преступлений в стремлении разбогатеть и занять место в обществе.

на свете, она бы не показала свою ножку! В то время как застенчивая Дженни даже во время утренней молитвы раскидывает свои передние ягодицы¹¹² [грудь] до голого пупка.)

Далее идет оригинальный фрагмент, который содержит обобщение:

But diff'rent Taste in diff'rent Men prevails,
And one is fired by Heads, and one by Tails;
Some feel no Flames but at the Court or Ball,
And others hunt white Aprons in the Mall. (35-38)

(Но разный вкус у разных мужчин преобладает, один загорается от голов, а другой от хвостов; некоторые не ощущают пыл нигде, кроме как в суде или на балу, а другие охотятся за белыми накидками на бульваре.)

У Горация приводится анекдот про Катона, общественного и политического деятеля и блюстителя нравственности. Комизм возникает за счет несоответствия: безнравственный поступок подается как правильное решение для спасения чести замужних дам. У. Куперсмит полагает [Kupersmith 2007, 80], что данный фрагмент содержит ироиколическую окраску.

quidam notus homo cum exiret fornice, 'macte
virtute esto' inquit sententia dia Catonis;
'nam simul ac venas inflavit taetra libido,
huc iuvenes aequom est descendere, non alienas
permolere uxores.' (31-35)

(Когда однажды известный муж выходил из борделя, изрек Катон божественное изречение [букв. божественное изречение Катона сказало]: «Да будет хвала доблести! Ведь как только отвратительная похоть распалила вены, справедливо, чтобы юноши сюда спускались, а не бесчестили чужих жен».)

Поуп в качестве советчика по вопросам нравственности вводит епископа Лондона. Комический прием тот же, что и у Горация.

My Lord of London, chancing to remark
A noted Dean much busy'd in the Park,
"Proceed (he cry'd) proceed, my Reverend Brother,
"'Tis Fornicatio simplex, and no other:
"Better than lust for Boys, with Pope and Turk¹¹³,
"Or others Spouses, like my Lord of York. (39-44)

(Мой лорд Лондона¹¹⁴ по случаю высказал свое мнение известному настоятелю¹¹⁵, который был весьма занят в парке: «Продолжай (кричал он), продолжай, мой преподобный брат, это прелюбодейство обыкновенное и

¹¹² Подробнее см.: [Williams 2000, 182; Brown 1993, 125].

¹¹³ Отсылка к строке из протестантского церковного гимна: «From Turk and Pope defend us, Lord» (от турка и папы защити нас, Господи) [Kupersmith 2007, 81]. См. также: [Ward 1841, 111]; Папа римский и турок рассматриваются как чужаки и иноверцы.

ничто другое: лучше, чем страсть к мальчикам, с Папой и турком, или к чужим супругам, как у моего Лорда Йорка».)

У Горация в следующих строках грубо называется блудница (через название женских половых органов), помимо этого поэт использует говорящее имя Купиенний (от лат. *cupiens* – «страстно желающий»).

... 'nolim laudari' inquit

'sic me' mirator cunni Cupiennius albi. (35-36)

(«Не хотел бы я, чтобы меня так хвалили», – говорит Купиенний, почитатель белой блудницы [cunus – женский половой орган].)

Поуп заменяет эвфемизмом данные стихи, а также добавляет имена скандально известных современников.

May no such Praise (cries Jefferies) e'er be mine!

Jefferies, who bows at Hillsborough's¹¹⁶ hoary Shrine. (45-46)

(Пусть подобная хвала (ревет Джеффрис) никогда не будет моей! Джеффрис, который поклоняется седой [с белым пушком] святыне в Хиллсборо.)

В следующем фрагменте Гораций приводит примеры того, какие опасности выпадают на долю развратников.

audire est operae pretium, procedere recte

qui moechis non voltis, ut omni parte laborent

utque illis multo corrupta dolore voluptas

atque haec rara cadat dura inter saepe pericla.

hic se praecipitem tecto dedit, ille flagellis

ad mortem caesus, fugiens hic decidit acrem

praedonum in turbam, dedit hic pro corpore nummos,

hunc perminxerunt calones; quin etiam illud

accidit, ut cuidam testis caudamque salacem

demeterent ferro. 'iure' omnes: Galba negabat. (37-46)

(Стоит послушать о том тем [из вас], кто не хочет, чтобы развратники хорошо преуспевали, как они страдают во всех отношениях и как у них многими страданиями испорчена страсть и как она редко реализуется среди частых суровых опасностей. Один сорвался с крыши вниз головой, другой плетью избит до смерти, этот, убегая, попал к суровой шайке грабителей, тот откупился деньгами за плоть, этого слуги

¹¹⁴ Епископ Лондона, Эдмунд Гибсон [Butt 1939, 78].

¹¹⁵ Томас Собридж, Настоятель собора в Фернсе и Лохлине (1727-28), был обвинен в изнасиловании, но в суде оправдан. В 1730 году Д. Свифт написал балладу на основе этих события «The True English Dean to be hanged», однако в конце его произведения настоятеля повесили. Подробнее см.: [Decateno, Stubblefield 2014, 124].

¹¹⁶ Мэри Хилл, виконтесса Хиллсборо. Изменяла своему мужу с Джеффрисом. Через несколько месяцев после публикации «Разумного совета» ее муж подал прошение для расторжения брака. Подробнее см.: [Butt 1939, 364].

облили мочой; и даже так случилось, что кое-кому отрубили мечом тестикулы и похотливый «хвост». «Справедливо!» - все [говорят]: Гальба отрицает.)

Поуп организует стихи таким образом:

Attend, while I their Miseries explain,
 And pity Men of Pleasure still in Pain!
 Survey the Pangs they bear, the Risques they run,
 Where the most lucky are but last undone.
 See wretched Monsieur¹¹⁷ flies to save his Throat,
 And quits his Mistress, Money, Ring, and Note!
 See good Sir George¹¹⁸ of ragged Livery stript,
 By worthier Footmen pist upon and whipt!
 Plunder'd by Thieves, or Lawyers which is worse,
One bleeds in Person, and one bleeds in Purse;
This meets a Blanket, and that meets a Cudgel—
 And all applaud the Justice—All, but Budget¹¹⁹. (49-60)

(Будь внимателен, пока я излагаю их несчастья, и пожалей мужчин – любителей удовольствий, которые до сих пор испытывают боль! Исследуй страдания, которые они переносят, риски, которых избегают, где большинство удачны, но последний не удался. Смотри, как разоренный монсеньор вылетает, чтобы спасти свое горло, и покидает свою любовницу, деньги, кольцо и вексель! Смотри, как добропорядочный сэр Джордж, лишенный рваной ливреи, был облит мочей и побит более [весьма] достойными лакеями! Обворован грабителями или адвокатами, что хуже, кто-то истекает кровью лично, а у кого-то истекает кошелек; этот соприкасается с покрывалом, а тот с дубинкой – и все аплодируют справедливости – все, кроме Баджела.)

Гораций приводит примеры развратников, который гордятся тем, что не трогают замужних благородных дам. Однако доблести в этом нет, поскольку это все равно разврат.

tutior at quanto merx est in classe secunda,
 libertinarum dico: Sallustius in quas
 non minus insanit quam qui moechatur. <...>
 ...verum hoc se amplectitur uno,
 hoc amat et laudat: 'matronam nullam ego tango',
 ut quondam Marsaeus, amator Originis ille,
 qui patrium mimae donat fundumque laremque,
 'nil fuerit mi' inquit 'cum uxoribus umquam alienis.' (47-49; 53-57)

¹¹⁷ Вероятно речь идет о господине Ремонде, который по совету леди Мэри Монтегю участвовал в финансовой пирамиде Компании Южных морей. Вначале он извлек выгоду, но повторный вклад не был столь успешен. У него начался конфликт с леди Мэри, которая, по его убеждению, его обманула. Подробнее см.: [Butt 1939, 79; Williams 1953].

¹¹⁸ Возможно, сэр Дж. Оксенден [Butt 1939, 80].

¹¹⁹ См. подражание П.1.

(И насколько безопаснее товар во втором классе, и имею в виду [женщин] из вольноотпущенниц: которыми Саллюстий не менее одержим, чем тот, кто развратничает. <...> Однако предается этому одному, и любит это и хвалит: «Я не касаюсь ни одной матроны!», как некогда Марсей, влюбленный в Оригину, который подарил актрисе отеческую землю и дом, говорил: «Никогда ничего у меня не было с чужими женами».)

Поуп заимствует метафору Горация: товар второго класса (вольноотпущенницы) – фрегат второго класса (женщины легкого поведения). Поуп специально вставляет двусмысленную фразу (вслед за римским сатириком): с одной стороны, метафорически называет женщин не из благородного общества, с другой стороны, читая данную фразу вне контекста, можно предположить, что она продолжает тему предыдущей сатиры – не нужно впадать в крайности, необходимо довольствоваться малым. Иными словами, если возить товар на маленьких кораблях, то в случае несчастья и убытки будут меньше, а в случае благоприятного исхода и этого будет достаточно.

How much more safe, dear Countrymen! his State,
 Who trades in Frigates of the second Rate?
 And yet some Care of Salust¹²⁰ should be had,
 Nothing so mean for which he can't run mad;
 His Wit confirms him but a Slave the more,
 And makes a Princess whom he found a Whore.
 The Youth might save much Trouble and Expence,
 Were he a Dupe of only common Sense.
 But here's his point; A Wench (he cries) for me!
 "I never touch a Dame of Quality.
 To Palmer's Bed no Actress comes amiss,
 He courts the whole Personae Dramatis:
 He too can say, "With Wives I never sin."
 But Singing-Girls and Mimicks draw him in. (61-74)

(Насколько в большей безопасности, дорогие сельские жители! состояние того, кто торгует на фрегатах второго класса? И все же нужно немного позаботиться о Салюстии, нет ничего столь пустякового, из-за чего он не мог бы прийти в бешенство; его остроумие еще больше подтверждает, что он раб, и делает принцессу, которую он нашел, шлюхой. Юноша может избежать многих трудностей и затрат, если будет одурочен только здравым смыслом. Но вот его мысль; девку [блудницу] мне, кричит он! Я никогда не трогаю знатную даму. В кровать Палмера ни одна актриса не попадала некстати, он оказывает внимание [завлекает] всем

¹²⁰ Виконт Болингброк.

ДЕЙСТВУЮЩИМ ЛИЦАМ: он также может сказать: «С женами я никогда не грешу». Но певицы и мимические актрисы его привлекают.)

Гораций вновь повторяет мысль, что разницы в разврате нет. Помимо этого указания Горацию удастся также высказать идею о том, что необходимо избегать *всех* порочных крайностей (а не избегать одних, но предаваться другим). Интересно, как у поэта получается избежать назидательного тона: он повторяет много раз одну и ту же мысль на протяжении всего текста, но делает это почти незаметно, в форме вопросов, комментариев, как бы дополняя основное содержание, в то время как при ближайшем рассмотрении оказывается, что большая часть текста – это лишь фон, увлекательное обрамление для серьезных мыслей.

...an tibi abunde
personam satis est, non illud, quidquid ubique
officit, evitare? bonam deperdere famam,
rem patris oblimare malum est ubicumque. quid inter-
est in matrona, ancilla peccesne togata? (59-63)

(...неужели, тебе вполне достаточно избегать персоны, а не всего того, что всячески вредит? Плохо везде [в любых обстоятельствах] погубить доброе имя [славу], промотать имущество отца. В чем разница, грешить ли ты с матроной или с публичной женщиной?)

Поуп, согласно представлениям своего времени, делает акцент на дидактизм, вводит сентенции для большего эффекта назидательности.

Sure, worthy Sir, the Difference is not great,
With whom you lose your Credit and Estate?
This, or that Person, what avails to shun?
What's wrong is wrong, wherever it be done:
The Ease, Support, and Lustre of your Life,
Destroy'd alike with Strumpet, Maid, or Wife. (75-80)

(Конечно, достойный сэръ, разница не велика, с кем вы теряете вашу честь и состояние? Какая выгода избегать [только] того или этого человека? Что неверно – неверно, где бы ни происходило: покой, основание и блеск твоей жизни одинаково разрушается с проституткой, со служанкой или с женой.)

Гораций указывает на преимущества продажных женщин, которые не скрывают недостатки:

adde huc, quod mercem sine fucis gestat, aperte
quod venale habet ostendit nec, siquid honesti est,
iactat habetque palam, quaerit, quo turpia celet. (83-85)

(Прибавь к этому, что она носит товар без прикрас [румян], открыто демонстрирует то, что имеет на продажу, и если что есть красивого, то не превозносит и держит открыто, и не ищет, чем прикрыть уродство.)

Поуп перефразирует это таким образом:

...how innocent a Belle

Is she who shows what Ware she has to sell;

Not Lady-like, displays a milk-white Breast,

And hides in sacred Sluttishness the rest. (106-111)

(...как невинна красавица та, которая показывает, какой товар у нее есть на продажу; не как леди, [которая] выставляет молочно-белую грудь и прячет в неприкосновенности все остальное распутство.)

Далее оба поэта используют пример, показывающий мудрость древних правителей при выборе коней (Гораций 86-90; Поуп 112-117). Они указывают на то, что правители не смотрели на внешнюю красоту, а отмечали то, что действительно важно в хорошей лошади: шея, голова, конечности.

Затем Гораций размышляет о том, как некрасивые женщины подобно торговцам, которые пытаются продать плохих лошадей, скрывают свои недостатки за красивым нарядом. Гораций шутливо предупреждает мужчин, чтобы те не поддавались на обман, не попадали в неприятности из-за матрон, которые этого не стоят (ведь под ее одеждой может быть скрыто все что угодно, и поскольку мужчина не знает наверняка, бессмысленно подвергаться опасностям). Сатирик вновь указывает на преимущества блудниц: они сразу показывают свой товар, таким образом, вложение средств в данное предприятие является оправданным.

...ne corporis optima Lyncei

contemplere oculis, Hupsaea caecior illa,

quae mala sunt, spectes. 'o crus, o bracchia.' Verum

depugis, nasuta, brevi latere ac pede longo est.

matronae praeter faciem nil cernere possis,

cetera, ni Catia est, demissa veste tegentis.

si interdicta petes, vallo circumdata—nam te

hoc facit insanum—, multae tibi tum officient res,

custodes, lectica, ciniflones, parasitae,

ad talos stola demissa et circumdata palla,

plurima, quae invadeant pure adparere tibi rem.

altera, nil obstat: Cois tibi paene videre est

ut nudam, ne crure malo, ne sit pede turpi;
 metiri possis oculo latus. an tibi mavis
 insidias fieri pretiumque avellier ante
 quam mercem ostendi? (90-105)

(Не рассматривай глазами Линкея прелести тела, смотри как та весьма слепая Гипсия, какие есть недостатки. «О, [какая] голень! О, [какие] плечи!» На самом деле с узкими бедрами, носатая, с короткой талией и длинной стопой. Кроме лица матроны ты, пожалуй, и не сможешь ничего различить, остальное, если только это не Катия, закрыто одеждой, скрывающей [фигуру женщины]. Если будешь стремиться к запретному, обнесенному валом – ведь [именно] это сводит тебя с ума – тогда будут мешать тебе многочисленные обстоятельства, стражи, носилки [т.е. носильщики], парикмахеры, паразиты, стола [платье], спущенная до лодыжек и плащ вокруг обмотанный, и весьма многочисленные вещи будут лишать тебя [возможности], чтобы суть тебе явилась откровенно. А другая ни в чем не препятствует: в косской ткани почти что нагую тебе [ее] видно, [поэтому видно] что у нее не плохая голень, не уродливая стопа; можешь взглядом измерить тело. Или тебе хочется попасть в засаду и расстаться с деньгами прежде, чем был осмотрен товар?)

Английский поэт добавляет еще больше юмора: он вводит сравнения с животными, чтобы делает образ еще комичнее; разворачивает описание платья (как еще одного препятствия на пути к телу женщины) и дополняет олицетворением (платье говорит «нет»), что заставляет читателя смеяться над его остроумной находкой.

Goose-rump'd, Hawk-nos'd, Swan-footed, is my Dear?
 They'l praise her Elbow, Heel, or Tip o'th' Ear.
 A Lady's Face is all you see undress'd;
 (For none but Lady Mohun show'd¹²¹ the Rest)
 But if to Charms more latent you pretend,
 What Lines encompass, and what Works defend!
 Dangers on Dangers! obstacles by dozens!
 Spies, Guardians, Guests, old Women, Aunts, and Cozens¹²²!
 Could you directly to her Person go,
 Stays will obstruct above, and Hoops below,
 And if the Dame says yes, the Dress says no.
 Not thus at Needham's¹²³; your judicious Eye
 May measure there the Breast, the Hip, the Thigh!
 And will you run to Perils, Sword, and Law,
 All for a Thing you ne're so much as saw? (122-136)

¹²¹ В издании 1738 года Поуп заменил *showed* на *shows*; Батт полагает, что это свидетельствует о том, что Поуп подразумевал под именем Lady M--- своего врага леди Мэри Монтегю. Подробнее см.: [Butt 1939, 85].

¹²² Имя известного производителя корсетов [Butt 1939, 87].

¹²³ Эта женщина содержала публичный дом [Butt 1939, 87].

(С гусиным задом, носом ястреба, лапами лебедя – такова моя дорогая? Они будут хвалить ее локоть, пятку или крашек уха. Лицо леди – вот все, что ты видишь неотдетым [неприкрытым]; (ведь никто, кроме леди Моун, не показывал остальное), но если притворяешься скорее безразличным к прелестям, какие линии [границы] окружают, и какие укрепления защитят? Опасность на опасности! Преграды целыми дюжинами! Шпионы, стражи, гости, старухи, тетки и изготовители корсетов! Если ты смог напрямик к ее особе подобраться, корсет мешает сверху, а кринолин снизу, и [даже] если дама говорит «да», платье говорит «нет». Не так у Нидхэм [в борделе]; твой рассудительный взгляд может оценить там грудь, бедро, верхнюю часть ноги! И устремись ли ты к опасности, мечу и закону, все из-за того, что ты даже не видел?)

Поуп заменяет обезличенные для современного читателя имена, которые использовал римский сатирик, на имена светских дам, которые представляют тот же тип женщин, что и, к примеру, Катия у Горация (выставляет тело напоказ): Поуп упоминает леди Моун, о которой ходил анекдот в обществе, якобы она совершила неприличную выходку - показала зад, высунув из его кареты [Butt 1939, 85]. Также он добавляет имя владелицы публичного дома, которое, вероятно, уже стало нарицательным.

В завершающем фрагменте Гораций возвращается к идее умеренности, которая проходит через все его творчество.

nonne, cupidinibus statuatur natura modum quem,
quid latura sibi, quid sit dolitura negatum,
quaerere plus prodest et inane abscindere soldo?
num, tibi cum faucibus urit sitis, aurea quaeris
procula? num esuriens fastidis omnia praeter
pavonem rhombumque? tument tibi cum inguina, num, si
ancilla aut verna est praesto puer, impetus in quem
continuo fiat. malis tentigine rumpi? (111-118)

(Разве не более полезно искать, какую меру природа установила для страстей, отказ в чем она перенесет, а от отказа в чем будет страдать, и [разве не более полезно] отличать полое от плотного [пустое от содержательного]? Разве, когда жажда жжет тебе глотку, ты ищешь золотые чаши? Разве будучи голодным испытываешь отвращение ко всему, кроме павлина и ромба? Когда нутро у тебя распирает, разве, если служанка или мальчик-раб есть поблизости, на кого немедленно может быть осуществлен набег, предпочтешь разорваться от похоти?)

У Горация пример с дорогой едой (павлин, ромб) и драгоценными кубками будет повторен в сатире II.2 (о которой говорится в предыдущей главе), в том же контексте: автор задает риторический вопрос, неужели человек, испытывая нужду (в пище, питье), откажется от простых средств,

предпочитая лишь самые дорогие. Но если сатира II.2 в целом носит более нравоучительный характер, то в данной сатире неявно вставленное моральное наставление органично и нисколько не разрушает общий шуточный настрой произведения.

В тексте Поупа таким же образом преподносится идея умеренности. В тексте английского поэта также видно сходство с его предыдущим подражанием (в отличие от Горация, Поуп сначала написал парафраз более дидактической сатиры II.2, а после сочинил рассматриваемое подражание игривой сатире I.2).

Has Nature set no bounds to wild Desire?
 No Sense to guide, no Reason to enquire,
 What solid Happiness, what empty Pride?
 And what is best indulg'd, or best deny'd?
 If neither Gems adorn, nor Silver tip
 The flowing Bowl, will you not wet your Lip?
 When sharp with Hunger, scorn you to be fed,
 Except on Pea-Chicks, at the Bedford-head¹²⁴?
 Or, when a tight, neat Girl, will serve the Turn,
 In errant Pride continue stiff, and burn? (143-152)

(Разве природа не создала никаких границ для дикого вожделения? Никакого разума, чтобы руководить, никакого благоразумия, чтобы узнать, что есть крепкое счастье, что – пустая гордость? Чему лучше потакать или чего избегать? [Разве] если ни геммы, ни серебряная кромка не украшают гладкую чашу, ты не намочишь губы? Когда ужасно голоден, разве ты отвергнешь [всякую] еду, кроме как цыпленка с горошком в Бэдфорд-хэд? Или когда опрятная милая девушка готова удовлетворить потребность, в ошибочной гордости продолжишь упорствовать и пылать?)

В завершение Гораций признается, что предпочитает доступных женщин.

...namque parabilem amo venerem facilemque. (119)
 (...ведь в самом деле я склонен к доступной и легкой любовной связи.)

Но Поуп не может столь же откровенно признаваться в подобном предпочтении, поэтому он переделывает фразу античного поэта таким образом, чтобы сохранить достоинство и предстать в образе моралиста.

I'm a plain Man, whose Maxim is profest,
 The Thing at hand is of all Things the best. (153-154)

¹²⁴ Известная закусточная [Butt 1939, 57].

(Я простой человек, чье правило убеждать, что «то, что имеем в руках – лучше всего».)

Наконец, римский поэт в последний раз повторяет основные недостатки адюльтера и преимущества обращения к услугам блудниц, которые ранее он подробно расписал: блудница не откладывает встречи, не приукрашивает себя в надежде привлечь внимание, в ее обществе не нужно бояться возвращения супруга, рисовать картины поимки на месте преступления и вероятного бегства (120-132). А завершает Гораций констатацией того, что быть пойманным плачевно (*miserum est*).

Поуп в подражании приводит те же примеры, но акцент смещается на Батерста¹²⁵, друга поэта. Далее, вероятно, излагаются мысли от его лица (рассуждение схожее с тем, что мы видим у Горация).

But Her who will, and then will not comply,
Whose Word is If, Perhaps, and By-and-by,
Zounds! let some Eunuch or Platonic take—
So Bathurst cries, Philosopher and Rake!
Who asks no more (right reasonable Peer)
Than not to wait too long, nor pay too dear.
Give me a willing Nymph! 'tis all I care,
Extremely clean, and tolerably fair,
Her Shape her own, whatever Shape she have,
And just that White and Red which Nature gave.
Her I transported touch, transported view,
And call her Angel! Goddess! Montague¹²⁶! (155-166)

(Но та - которая то захочет, то потом не будет соответствовать, [той], чей мир составляют «если», «возможно» и «со временем», черт возьми – пусть достанется какому-нибудь евнуху или платонику! Так Батерст, философ и распутник, кричит! Кто не просит больше (в самом деле, благоразумный пэр), чем не ждать слишком долго, не платить слишком дорого. Дай мне готовую к услугам нимфу! Вот все, что мне требуется: чрезвычайно чистая и довольно симпатичная, ее фигура – ее собственная, неважно какую фигуру она имеет, и исключительно белая и розовая – [цвета] которые дала природа. Я прикасался к ней, переносил взор, и называл ее Ангелом! Богиней! Монтегю!)

Поуп повторяет заключительный фрагмент Горация, близко придерживаясь латинского текста (167-174). В конце говорящий (здесь уже, вероятно, речь

¹²⁵ Ученые спорят относительно личности говорящего в последнем фрагменте: то ли это Батерст, то ли сам Поуп. Подробнее см.: [Williams 1973, 56].

¹²⁶ Личность Монтегю, которая здесь упоминается, обсуждается в статье: [Williams 1973].

ведется от лица Поупа) высказывает желание наслаждаться покоем и напоминает читателю о неблагоприятных последствиях адюльтеров.

Oh Love! be deep Tranquility my Luck!

No Mistress Heysham¹²⁷ near, no Lady Buck¹²⁸!

For, to be taken, is the Dev'll in Hell;

This Truth, let Liddel, Jeffries, Onslow¹²⁹ tell. (167-178)

(О любовь! Пусть мне принесет удачу глубокое спокойствие! Никакой любовницы Хейшем поблизости, ни леди Бак! Ведь быть пойманным – участь дьявола в Аду; эту правду пусть расскажет Лиддел, Джеффрис, Онслоу.)

¹²⁷ Мэри Хилл (см. выше)

¹²⁸ Леди Бак, подруга Мэри Хилл. Сообщила ее мужу об измене [Butt 1939, 364].

¹²⁹ Ричард Лиддел: лорд Абергавенни подал в суд на Р. Лиддела за то, что у него был роман с его женой, и получил большую денежную компенсацию. Возможно, лорд потворствовал их отношениям, чтобы извлечь материальную выгоду. В 1729 году через две недели после родов (когда скандал уже разгорелся) леди Абергавенни умерла [Grundy 1999, 296].

Джеффрис: любовник Мэри Хилл. Когда ее муж узнал об измене, он подал прошение о разводе. Развод сопровождал громкий судебный процесс [Butt 1939, 364].

А. Онслоу: представитель Палаты Общин; лорд Херви и Уолпол ругали его за неприятный характер, но оба отмечали его преданность делу [Butt 1939, 89]. А. Онслоу сильно обогатился благодаря браку. Непонятно, на что именно Поуп намекает в его случае. В двух предыдущих, вероятно, речь идет о проблемах, с которыми Лидделу и Джеффрису пришлось столкнуться после того, как их романы стали достоянием общественности. Так Поуп аргументирует преимущество покоя.

Заключение

««Подражания» Поупа перестали быть понятными уже для следующего поколения после него, а современному читателю тем более сложно их анализировать» - подобное заключение можно встретить у ряда критиков и учёных. Вероятно, такое представление возникает из-за неправильного подхода к произведениям, написанным в жанре подражания. Читателю необходимо читать один текст «через» другой, находить несоответствия, которые делают текст оригинальным (в отличие от перевода, в котором читатель желает видеть текст, воспроизведенный на национальном языке, но максимально близкий к оригиналу). Кроме того, сложность восприятия может быть связана с плохим знакомством с оригинальными текстами Горация, а потому композиция, переход от одной мысли к другой, аллюзии и многое другое могут показаться темными, непонятными, а в результате непонимания возникает миф о сложности текста, а затем и о его плохом качестве. По словам Д. Таппера [Tupper 1900, 181], «Подражания» не могут доставить удовольствие простому читателю, ведь они обращены к человеку эрудированному, способному увидеть неожиданные параллели с оригиналом. Еще одна трудность возникает из-за отсутствия полного научного комментария к текстам.

Большинство комментариев сводится к описанию впечатления или реконструкции конкретного момента в эмоциональной истории/жизни поэта, с которым (моментом) мы хотим отождествить стихотворение. В сатире это не главное. Необходимо отыскивать и анализировать *artifice* – «хитроумную выдумку, остроумное изобретение» поэта [Mask 1982, 56].

Поуп потому и издает два текста параллельно, чтобы все могли увидеть его выдумку. Английский поэт акцентирует внимание на ряде проблем, которые были ему близки. Особо подчеркнуть и обратить на них пристальное внимание читателя удалось за счет контраста с текстом античного поэта. В

целом А. Поуп воспроизводит структуру произведений и темы, которые разрабатывал Гораций: поэт размышляет о преимуществах умеренного образа жизни, гармонии с собой и внешним миром, с оптимизмом смотрит в будущее, с иронией относится к себе и окружающим. Общие установки и позволяют относить сатиру Поупа к гораціанской. Но особый интерес вызывают отличия, которые и делают произведения Поупа оригинальными. Александр Поуп старается к каждому гораціевскому примеру подобрать аналогичный пример, но из современной ему Англии. Подобные образцы как нельзя лучше иллюстрируют идею об общей природе людей во все времена, например: в первом подражании А. Поуп подбирает имена известных современников (в параллель к именам, которые использует Гораций), когда говорит о людях, имеющих определенные пристрастия (Imit. of Hor. Sat. II.1, 45-50); в следующем подражании Поуп найдет аналогию Офеллу, добродушному небогатому земледельцу, в лице своего друга Х. Бетеля, человека, выбирающего умеренность во всем (Imit. of Hor. Sat. II.2, 9-10). В «Разумном совете» Поуп сопоставит гораціевских блудниц и развратников со своими соотечественниками, подобрав похожие прегрешения, например: актер Тигелл – актриса Олдфилд, скряга Фуфидий – леди Мэри Монтегю, целомудренный Катон – епископ Лондона (Sob. Adv. 4-6; 17-24; 39-40). Помимо этого, А. Поуп обогащает свои подражания бóльшим количеством примеров, за счет чего увеличивает объем текста, например: Гораций называет два средства от бессонницы, а Поуп – четыре (Imit. of Hor. Sat. II.1, 15-20); описывая склонности людей, Гораций указывает три примера, Поуп – пять (Imit. of Hor. Sat. II.1, 45-50); Гораций называет рыбку (ромб) и аиста, укоряя богачей в неоправданном употреблении их в качестве деликатесов – Поуп выбирает для иллюстрации той же мысли малиновку, ласточку, черноголовку (Imit. of Hor. Sat. II.2, 37-40); в конце «Разумного совета» Поуп использует имена блудницы, доносицы, разоблаченных развратников (Sob. Adv. 176-178), параллели к которым у Горация нет.

Точно так же Поуп выбирает аналогии (или умножает их количество) для современных ему событий и реалий, например: разрушение античных храмов – разрушение исторических зданий в Лондоне (Imit. of Hor. Sat. II.2, 119-120); законы против наговоров в древнеримских «Законах двенадцати таблиц» - законы против пасквилей (оскорбления личности) в английском законодательстве (Imit. of Hor. Sat. II.1, 147-150). Также Поуп, как мы уже отмечали, использует большее количество конкретных имен (у Горация, например, встречаются мифологические персонажи Кастор и Поллукс). Особенность восприятия сатир Горация состоит еще и в том, что мы не всегда знаем, какой именно человек подразумевается, поэтому имена конкретных людей (или отсылающие к конкретным людям) становятся в восприятии читателя именами представителей определенного типа: скверный писатель, продажный судья, отравительница и т.д., при этом теряется характер личностной нападки. О жизни Поупа имеется достаточно сведений, поэтому узнавание исторических лиц осуществляется проще. Поэтому его сатиру признают в большей степени персонально направленной.

Кроме того, английский поэт при адаптации сатир столкнулся с необходимостью переложения обценной лексики и вульгаризмов (нежелательных с точки зрения классицизма): в одних случаях он справляется с задачей с помощью эвфемизмов (напр., Sob. Adv. 45-46; 87-92), в других за счет исключения какого-либо эпизода из подражания (Hor. Sat. II,2 123-125: Гораций (в лице Офелла) описывает попойку; для Поупа это недопустимо).

В ходе исследования мы выяснили обстоятельства, которые повлияли на обращение поэта именно к жанру сатиры. Время буколической поэзии и героического эпоса для Поупа прошло. На позднем этапе своего творчества он, с одной стороны, начинает реализовывать идею масштабной философской поэмы, которая должна была стать итогом его творчества и вершиной поэтического наследия; с другой стороны, реагирует на

актуальные изменения. Так, подвергнувшись атаке критиков, Поуп создает подражание сатире Горация. Ранее он уже обращался к жанру сатиры; вплоть до 40-х годов Поуп дорабатывает обличительную сатирическую поэму «Дунсиада». Однако для своего «оправдания» он выбирает гораціанскую сатиру. В представлении современников Поупа гораціанская сатира ассоциировалась с умеренной добродушной сатирой, а ювеналова – с обличительной и язвительной. Учитывая, что Поупа ругали за обличение конкретных лиц и оскорбления, характерные скорее для пасквилей, не удивительно, что он выбрал для защиты сатиры Горация, остроумного и добродушного поэта. Поуп оберегал свою поэзию и собственную персону (личность сатирика), как бы преподнося идеи античного поэта. Но в сатирах Поупа есть элементы, приписываемые Ювеналу: большое количество личностных нападок, конкретных примеров проступков, резкость и язвительность. Решение этой проблемы предложил Фредрик Богель [Bogel 2001, 31]: в сатире присутствует две стороны - гораціанская и ювеналова, то есть добродушное высмеивание и яростное обличение. В случае Поупа мы видим и то, и другое: поэт по-доброму смеется над человеческими недостатками и глупостью, но, когда задеты личные чувства сатирика, он начинает яростно нападать на обидчиков и использовать «ювеналов бич» (тогда и появляются имена, конкретные события, описание нелюбимых подробностей частной жизни). Однако мы полагаем, что в случае Александра Поупа обличение не является самоцелью, а служит инструментом в руках поэта: Поуп словно «каталогизирует» пороки и порочных людей, чтобы потом вывести общее заключение о нравственном состоянии общества.

Сборник А. Поупа «Подражания Горацию» представляет интерес и для исследователей английской сатирической традиции, и для исследователей рецепции сатиры Горация. Частые обращения к творчеству этого автора свидетельствует об актуальности проблем, изложенных в его произведениях, а также способов их осмысления.

Список литературы

Список источников:

1. *Butt 1939* - Butt J. ed. Imitations of Horace. London, 1939. 406 p.
2. *Letters 1960* - Letters of Alexander Pope. London, 1960. 384 p.
3. *Klingner 1970* - Klingner F. ed. Q.Horati Flacci. Leipzig, 1970. 378 p.
4. *Quennell 1949* - Quennell P. ed. The Pleasures of Pope. London, 1949. 265 p.
5. *PW 1859* - The Poetical Works of Alexander Pope. Philadelphia, 1859. 504 p.
6. *Поуп 1988* - Поуп А. Поэмы / вступит. ст. И. Шайтанова. М.: 1988. 239 с.

Научная литература:

7. *Васильева 1979* - Васильева Т.Н. Александр Поп и его политические сатиры. Кишинёв, 1979. 112 с.
8. *Васильева 1991* - Васильева Т.Н. Английская сатира XVIII века (Споры и решения). Кишинёв, 1991. 140 с.
9. *Гаспаров 1971* - Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М.: 1971. 280 с.
10. *Гаспаров 1970* - Гаспаров М. Л. Поэзия Горация/ Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: 1970. 5-38 с.
11. *Дуров 1987* - Дуров В. С. Жанр сатиры в римской литературе. Л.: 1987. 159 с.
12. *Дуров 1993* - Дуров В.С. Поэт золотой середины. Жизнь и творчество Горация / Гораций. Собрание сочинений. Спб, 1993. 5-20 с.
13. *Креленко 2016* - Креленко Н. С. Долгое путешествие леди Мэри Монтегю / Люди и тексты: исторический альманах, №8. М.: 2016. 270-283 с.
14. *Ливергант 2009* - Ливергант А.сост. Отечество карикатуры и пародии. М.: 2009. 776 с.

15. *Мирошкина 2000* - Мирошкина В. А. «Моральные опыты» Александра Поупа в контексте литературно-философской проблематики своего времени. Дисс.на соиск.уч. ст.канд.фил.н. СПб, 2000. 282 с.
16. *Мокробородова 1987* - Мокробородова Л.С. Особенности эпистолярного жанра у Горация и теории поэзии в «Послании к Писонам» (к проблеме художественной ценности). Автореф. М.: 1987. 16 с.
17. *Морган 2008* - Морган К., ред. История Великобритании. М.: 2008. 680 с.
18. *Рак 1966* - Рак В. Д. Сатирико-нравоучительные журналы Аддисона и Стиля и литературная полемика их времени. Дисс.на соиск.уч.ст.канд.фил.н. Л.: 1966. 412 с.
19. *Сидорченко 1987* - Сидорченко Л. В. Александр Поуп в поисках идеала. Л.: 1987. 188 с.
20. *Сидорченко 1992* - Сидорченко Л. В. Александр Поуп и художественные искания в английской литературе первой четверти XVIII века. СПб, 1992. 151 с.
21. *Ступников 1976* - Ступников И. В. Энн Олдфилд. Л.: 1976. 224 с.
22. *Чистякова, Вулих 1971* - Чистякова Н.А., Вулих Н.В. История античной литературы. М.: 1971². 439 с.
23. *Allan 2010* - Allan D. *Commonplace Books and Reading in Georgian England*. Cambridge University Press, 2010. 306 p.
24. *Bloom 1948* - Bloom L. D. Pope as Textual Critic: A Bibliographical Study of his Horatian Text / *The Journal of English and Germanic Philology*, Vol.47 №2 (Apr., 1948), 150-155 pp.
25. *Bogel 2001* - Bogel F. *The Difference Satire Makes: Rhetoric and Reading from Jonson to Byron*. Ithaca and London, 2001. 262 p.
26. *Bosker 1954* - Bosker A. *Literary Criticism in the Age of Johnson*. Cambridge, 1954. 345 p.

27. *Clauss 1985* - Clauss J. Allusion and Structure in Horace Satire 2.1: The Callimachean Response / Transactions of the American Philological Association, Vol.115 (1985), 197-206 pp.
28. *Fairer 2014* - Fairer D., Gerrard C., ed. Eighteenth-Century Poetry: An Annotated Anthology. Wiley, 2014. 688 p.
29. *Ford 1991* - Ford B., ed. The Cambridge Guide to the Arts in Britain. Vol.5. The Augustan Age. Cambridge, 1991. 374 p.
30. *Fraenkel 1997* - Fraenkel E. Horace. Oxford, 1957 (repr.1997). 465 p.
31. *French, Barry 2004* - French H., Barry J., ed. Identity and Agency in England, 1500-1800. Macmillan, 2004. 254 p.
32. *Freudenburg 1990* - Freudenburg K. Horace's Satiric Program and the Language of Contemporary Theory in Satires 2.1 / The American Journal of Philology, Vol.111, No. 2 (Summer, 1990), 187-203 pp.
33. *Freudenburg 2005* - Freudenburg K., ed. The Cambridge Companion to Roman Satire. Cambridge University Press, 2005. 352 p.
34. *Frost 1971* - Frost W. Dryden and 'Satire' / Studies in English Literature, 1500-1900, Vol. 11, No. 3, Restoration and Eighteenth Century (Summer, 1971), 401-416 pp.
35. *Fuchs 1989* - Fuchs J. Reading Pope's Imitations of Horace. Lewisburg, 1989. 168 p.
36. *Griffin 2015* - Griffin D. Satire: A Critical Reintroduction. University Press of Kentucky, 2015. 256 p.
37. *Grundy 1999* - Grundy I. Lady Mary Wortley Montagu. Oxford University Press, 1999. 680 p.
38. *Haugen 2011* - Haugen K. L. Richard Bentley: Poetry and Enlightenment. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England. 333 p.
39. *Hopkins 2012* - Hopkins D., Martindale C. The Oxford History of Classical Reception in English Literature / Vol.3. Oxford, 2012. 735 p.

40. *Kießling 1889* - Kießling A. Q. Horatius Flaccus, Briefe. Berlin, 1889. 294p.
41. *Knapp 1914* - Knapp C. Horace, Sermones I,I / Transactions and Proceedings of the American Philological Association, Vol. 45 (1914), pp. 91-109.
42. *Kupersmith 2007* - Kupersmith W. English Versions of Roman Satire in the Earlier Eighteenth Century. Delaware, 2007. 271 p.
43. *Kupersmith 1970* - Kupersmith W. Pope, Horace, and the Critics: Some Reconsiderations / Arion: A Journal of Humanities and the Classics, Vol. 9, No. 2/3, Horace Issue (1970), pp. 205-219.
44. *Langford 1998* - Langford P. A Polite and Commercial People. England 1727-1783. Oxford, 1998. 803 p.
45. *Lowrie 2005* - Lowrie M. Slander and Horse Law in Horace, Sermones 2.1 / Law and Literature, Vol. 17, No. 3 (Fall 2005), 405-431 pp.
46. *Mack 1985* - Mack M. Alexander Pope. A Life. New Haven ; London ; New York, 1985. 975 p.
47. *Mack 1968* - Mack M., ed. Essential Articles for the study of Alexander Pope. Hamden, 1968. 420 p.
48. *Mack 1982* - Mack M. Collected in Himself. Newark, 1982. 316 p.
49. *Mack 1969* - Mack M. The garden and the city : Retirement and politics in the later poetry of Pope, 1731-1743. Toronto, 1969. 342 p.
50. *McLaverty 2001* - McLaverty J. Pope, Print and Meaning. Oxford, 2001. 257 p.
51. *Page 1896* - Page T. E., ed. Q. Horati Opera. London, 1896. 648 p.
52. *Pritchard 2006* - Pritchard W. H. Dryden Rules / The Hudson Review, Vol. 58, No. 4 (Winter, 2006), 541-567 pp.
53. *Reverand 1976* - Reverand C. Ut Pictura Poesis, and Pope's "Satire II, i" / Eighteenth-Century Studies, Vol. 9, No. 4 (Summer, 1976), 553-568 pp.
54. *Rhys 1858* - Rhys E., ed. Spence's Anecdotes, Observations, and Characters of Books and Men. London, 1858⁴. 223 p.
55. *Rivers 2001* - Rivers I., ed. Books and their Readers in Eighteenth-century England: New Essays. London, New York, 2001. 294 p.

56. *Rogers 2007* - Rogers P. The Cambridge Companion to Alexander Pope. Cambridge, 2007. 278 p.
57. *Rumbold 2007* - Rumbold V., ed. The Poems of Alexander Pope: The Dunciad (1728) & The Dunciad Variorum (1729). Pearson Longman, 2007. 425 p.
58. *Sandys 1908* - Sandys J.E. A History of Classical Scholarship. Vol. 2. Cambridge, 1908. 498 p.
59. *Schimmelpfeng 1899* - Schimmelpfeng G. Die Gedichte des Horatius Flaccus. Leipzig, 1899. 202 p.
60. *Stack 1985* - Stack F. Pope and Horace: Studies in Imitation. Cambridge, 1985. 316 p.
61. *Sullivan 1966* - Sullivan J. P. Alexander Pope on Classics and Classicists. Arion: A Journal of Humanities and the Classics, Vol. 5, No. 2 (Summer, 1966), pp. 235-253.
62. *Tupper 1900* - Tupper J. W. A Study of Pope's Imitations of Horace / PMLA, Vol. 15, No. 2 (1900), pp. 181-215.
63. *Ullman 1917* - Ullman B. L. Horace on the Nature of Satire / Transactions and Proceedings of the American Philological Association, Vol. 48(1917), 111-132 pp.
64. *Ward 1841* - Ward L. F. Outlines of Sociology. New York, 1841. 301 p.
65. *Weinbrot 2015* - Weinbrot H. D. Augustus Caesar in Augustan England: The Decline of a Classical Norm. Princeton, New Jersey, 2015. 284 p.
66. *Weinbrot 1979* - Weinbrot H. D. Such As Sir Robert Would Approve? Answers to Pope's Answer from Horace / Modern Language Studies, Vol. 9, No. 3, Eighteenth-Century Literature (Autumn, 1979), 5-14 pp.
67. *Weinbrot 1969* - Weinbrot H. D. The Formal Strain. Studies in Augustan Imitation and Satire. Chicago; London, 1969. 234 p.
68. *Williams 1953* - Williams A. L. Pope's 'Duchesses and Lady Mary's' / The Review of English Studies, Vol. 4, No. 16 (Oct., 1953), 359-361 pp.

69. *Williams 1973* - Williams A. L. The «Angel, Goddess, Montague» of Pope's Sober Advice from Horace. *Modern Philology*, Vol. 71, No. 1 (Aug., 1973), pp. 56-58.
70. *Wilson 2014* - Wilson K. *The Island Race: Englishness, Empire and Gender in the Eighteenth Century*. London and New York, 2014. 304 p.

Электронные ресурсы:

1. http://dictionary_of_ancient.academic.ru/3621/%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (дата обращения 06.05.2017)
2. http://literary_encyclopedia.academic.ru/5918/%D0%90%D0%A2%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%95%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF%D0%9A%D0%9E%D0%9C%D0%95%D0%94%D0%98%D0%AF (дата обращения 06.05.2017)
3. http://dictionary_of_ancient.academic.ru/4317/%D0%A4%D0%B5%D1%81%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%8B (дата обращения 06.05.2017)
4. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/195138> (дата обращения 06.05.2017)
5. <http://global.britannica.com/biography/Alexander-Pope-English-author> (дата обращения 23.01.2016)
6. http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/UOLPOL_ROBERT.html (дата обращения 08.05.2017)
7. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4173/%D0%A1%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%B0 (дата обращения 09.05.2017)